КРОКОДИЛ

— Несчастный мальчик! Он никогда не видел своего папы!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

— Как вы сумели их так выдрессировать?
— Очень просто: оставили в прошлом году без кормов...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Артур ДЖАЛАН

ДВЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В деканат педагогического института вошел вчерашний студент Геннадий Васьков. На его груди сверкал ромбик с изображением раскрытой книги. А из кармана, куда Васьков положил только что полученный диплом, еще шел запах типографского клея.

— Что вы хотели, Васьков? — спросил декан.

— Мне бы характеристику...

— Вчера же всем выпускникам раздали! — сказал декан.— Вы разве не получили?

— Получил.

— Ну, так в чем же дело?

— Что-то у всех характеристики как близнецы,— нерешительно ответил Геннадий.— И слишком, как мне показалось, сладкие...

— Всем нравятся,— с упреком заметил декан,— а вам нет!

— Судя по характеристике,— сказал Васьков,— я ангел, а не бывший студент Васьков, который...

— Хорошо! — перебил его декан.— Пишите тогда сами!

— Как? На самого себя?

— А что?

— Неудобно как-то...

— Ничего! Вот образец.

Через несколько минут Васьков сидел в свободной аудитории и, хмурясь, изучал шаблонный образец характеристики, который гласил:

«Товарищ... окончил педагогический институт успешно. За годы учебы показал себя способным, дисциплинированным, исполнительным студентом. Аккуратно платил взносы. Активно участвовал в общественной жизни. Играл на балалайке. Дважды прыгал с парашютом. Занимался в кружке вязания, кройки и шитья. Большой друг детей и животных. Посещал музеи. Был центральным нападающим институтской футбольной команды. Участник хора, народных танцев. Член профсоюза. Надежный товарищ, пользуется уважением в коллективе. Товарищ... рекомендуется учителем и направляется в вашу сельскую школу... Подписи...»

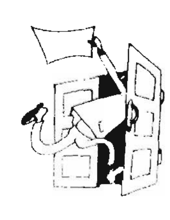

Через полчаса упорного творческого труда Васьков снова вырос перед столом руководителя.

— Вот, написал,— сказал он и положил на стол свой вариант характеристики:

«Товарищ Васьков Г. С. учился плохо. В самодеятельности не занимался. Спортом тоже. На балалайке не играет. Не любит детей и животных. Музеи не посещал. В хоре не участвовал и не знает народных танцев. Уважением не пользовался, из-за тяжелого характера часто имел конфликты с окружающими... Рекомендуется учителем и направляется в вашу сельскую школу... Подписи...»

Декан несколько раз прошелся по бумаге в разных направлениях, словно сапер по минному полю.

— Оригинальничать решили, да? — саркастически заметил он, сверля колючим взглядом своего питомца.

Питомец молча смотрел на свое греховное произведение, над которым повисла авторучка декана.

— Ну что ж, я подпишу,— сказал декан, ехидно улыбаясь, и, небрежно черкнув свою подпись, продолжал: — Но с этой, извините, дурацкой путевкой в жизнь вы будете в новом коллективе, как белая ворона. Ни пуха, ни пера!..

— К черту! — шепнул Васьков.— Надеюсь, мне не придется рассчитывать на уважение и доверие сельского коллектива, куда вы меня направляете. Меня как-то больше устраивает город.

— Город тоже не раскроет вам объятия с этакой скверной бумагой,— усмехнулся наставник.

— А это? — как флажком помахал Васьков перед носом декана вчерашней ангельской характеристикой.— Это для города!

И поспешно вынырнул из кабинета изумленного декана.

— Вы негодяй! — крикнул декан ему вдогонку.

Но Васьков этого уже не слышал.

г. Уфа.

Б. ФИНИАСОВ,
специальный корреспондент Крокодила

АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПУТЕМ

У председателя колхоза имени Кирова И. А. Кучерявого есть отличительная черта. Свои семейные дела и конфликты он любит улаживать административным путем.

Был, к примеру, случай, когда его супруга, разгневавшись на одну из работниц фермы, ударила ее сумкой по голове.

Председатель Кучерявый — сторонник крепкой семьи. Он не стал ни в чем укорять свою спутницу жизни, а во всем обвинил главного зоотехника А. Н. Гунькину. Дескать, она, Гунькина, сказала что-то такое его жене, отчего та стала размахивать сумкой и невзначай опустила ее не на ту голову.

И тов. Кучерявый принял меры.

Он вызвал Гунькину, стукнул кулаком по столу и сказал:

— Иди!

— Куда? — спросила Александра Николаевна.

— На все четыре. А не уйдешь добром — все равно выживу. Или ты, или я.

Гунькина, плача, написала заявление, в котором просила освободить ее от занимаемой должности по состоянию здоровья. Председатель положил заявление в ящик письменного стола и сказал: «Обсудим».

Прошли положенные две недели. Потом месяц. Потом два месяца. Гунькина решила, что страсти Кучерявого улеглись, а заявление утратило силу за истечением срока давности. Но однажды председатель отправил ее на мясокомбинат сдавать свиней. Не успела она выехать с территории поселка, как председатель повелел созвать правление колхоза.

— Или я, или она! — сказал он собравшимся.

— Ты, — ответили присутствующие, изучившие нрав Кучерявого.

И лишь один робко заметил:

— Я, может быть, чего-то не понимаю, но Гунькина тоже член правления колхоза. Почему же мы решаем ее вопрос без нее?

В кабинете воцарилось молчание, а чего-то не понимающий товарищ продолжал:

— Гунькина была нашим делегатом на Всесоюзном съезде колхозников, она член областного и районного советов колхозов, участник ВДНХ. И недавно наш уважаемый председатель собственноручно написал ходатайство о присвоении ей звания «Заслуженный зоотехник РСФСР»...

— Или я, или она! — прервал выступавшего председатель.

Словом, А. Н. Гунькина, уехавшая вечером главным зоотехником, утром вернулась никем. Ей дали полный расчет, исключив тем самым даже из членов колхоза. Два с лишним месяца она не получала зарплаты. Лишь после вмешательства прокурора ей оплатили вынужденный прогул и предоставили работу. Но не главного, а рядового зоотехника. Документы же на заслуженного зоотехника задним числом отменили.

О крутом нраве Кучерявого знают не только в колхозе. Еще два года назад он был выведен из состава Тацинского райкома партии «за грубость, чванство, пренебрежительно-барское отношение к членам райкома и товарищам по работе». Но и после этого И. А. Кучерявый не изменил свою воспитательную методу, продолжал сводить личные счеты административным путем.

Правда, его еще раз одернули. За грубость к подчиненным, волокиту в рассмотрении жалоб Кучерявому был объявлен строгий выговор по партийной линии. А он и тут не пал духом. За свой один выговор объявил Гунькиной сразу два. А когда вынужден был их снимать, довел женщину до сердечного приступа.

За Кучерявым утвердилась репутация крепкого хозяйственника. Хозяйство и вправду крепкое. Но это заслуга всего колхоза. В том числе и Гунькиной.

Но Гунькина крепко проштрафилась. Она сказала кое-что волнующее жене председателя, отчего та стала размахивать сумкой...

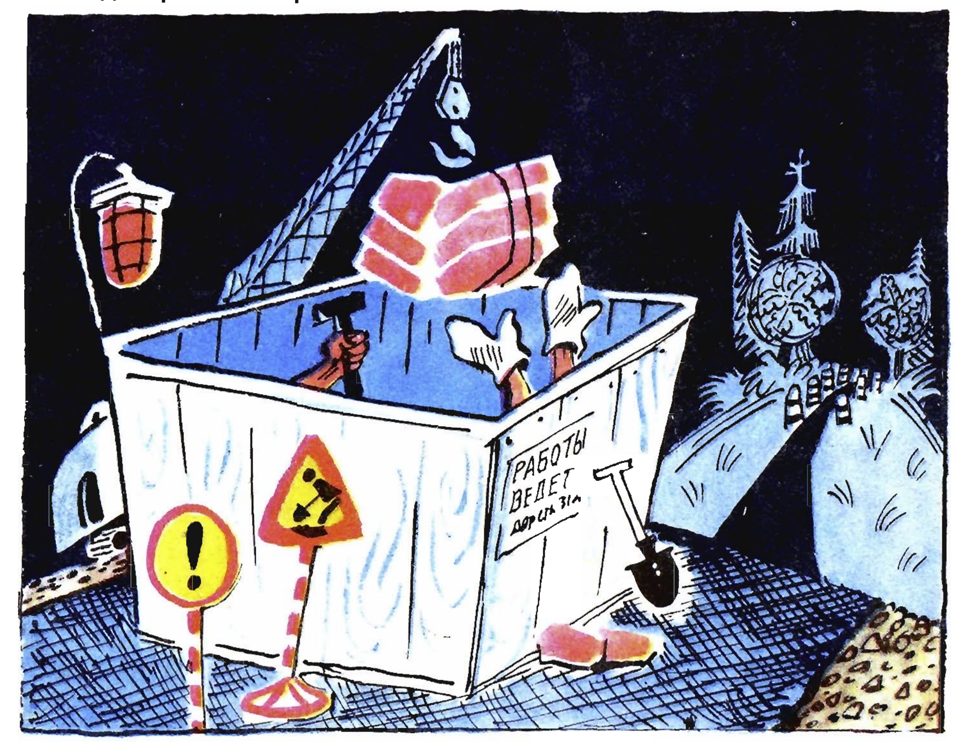
А что из этого получилось, вы уже знаете.

Ростовская область.

— Надо принять меры!

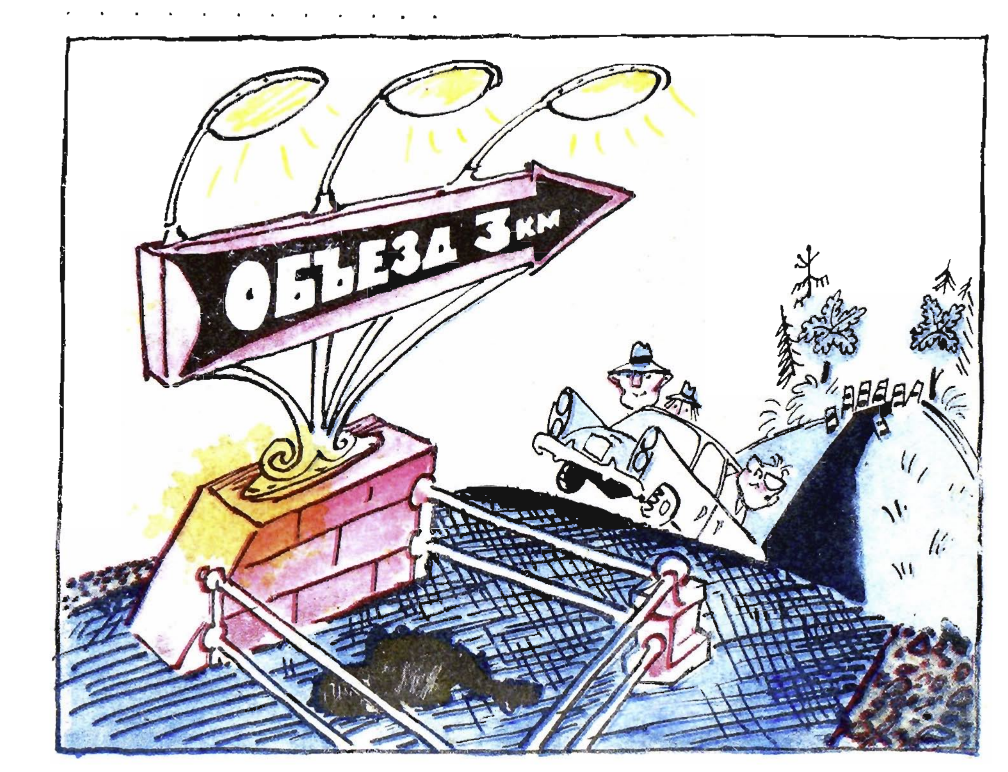

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Ох, уж эти извозчики!

В комедии Фонвизина госпожа Простакова, услышав, что на свете существует география, заявила:

— Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело... только скажи: повези меня туда, свезут, куда изволишь.

Прошло два с лишним века с тех пор, как был написан «Недоросль». Извозчики сохранились только кое-где для экзотики. Их сменили железные дороги, которые и вас и вещи ваши в любой момент «свезут, куда изволишь».

Гражданка Г. Круненко из города Кривой Рог переезжала в Чарджоу. Надо было забрать с собой телевизор, мебель, одежду, кастрюльки и прочие причиндалы. В контейнер вместилось все, даже урожай с огорода.

Поехали. Контейнер — в грузовом поезде, а его хозяйка — пассажирским образом. Прибыв на станцию Амударьинская, гражданка Круненко начала наведываться к местным железнодорожникам и справляться о своем контейнере. На это железнодорожники разводили руками и говорили, что контейнер, возможно, еще в пути.

А тем временем в Москве, на станции Гражданская, люди ломали голову над вопросом: зачем им доставили со станции Амударьинская контейнер № 802196 с вещами какой-то Круненко? Да еще без контрольной пломбы!

Созвали комиссию, проверили содержимое. Не хватало лишь одного ящика с обувью. Порадовавшись такой малой потере, свалили все в ту же тару и отправили обратно к своим среднеазиатским коллегам за четыре тысячи километров. Современные извозчики везли не очень скоро. Что стало с овощами в конце этого двойного пробега — догадайтесь сами.

— Слава богу, есть на свете контейнеры! В них мои вещички доставят, куда я пожелаю,— рассудила и Т. Сурова, переезжавшая из Бухары в Краснодар.

— Все пути ведут в Москву! — рассудили «извозчики» станции Бухара. И вместо Краснодара загнали контейнер в столицу, снабдив его точным адресом: «Парфюмерная фабрика «Свобода». Крюк получился совсем невеликий: 1 700 километров.

Работники станции Иман-I Дальневосточной железной дороги должны были отправить контейнер с мужскими верхними рубашками в Хабаровск.

— Ну, что это за расстояние — 300 километров! — огорчились дальневосточные «извозчики».

И контейнер поехал за 9 тысяч километров! Опять же в Москву.

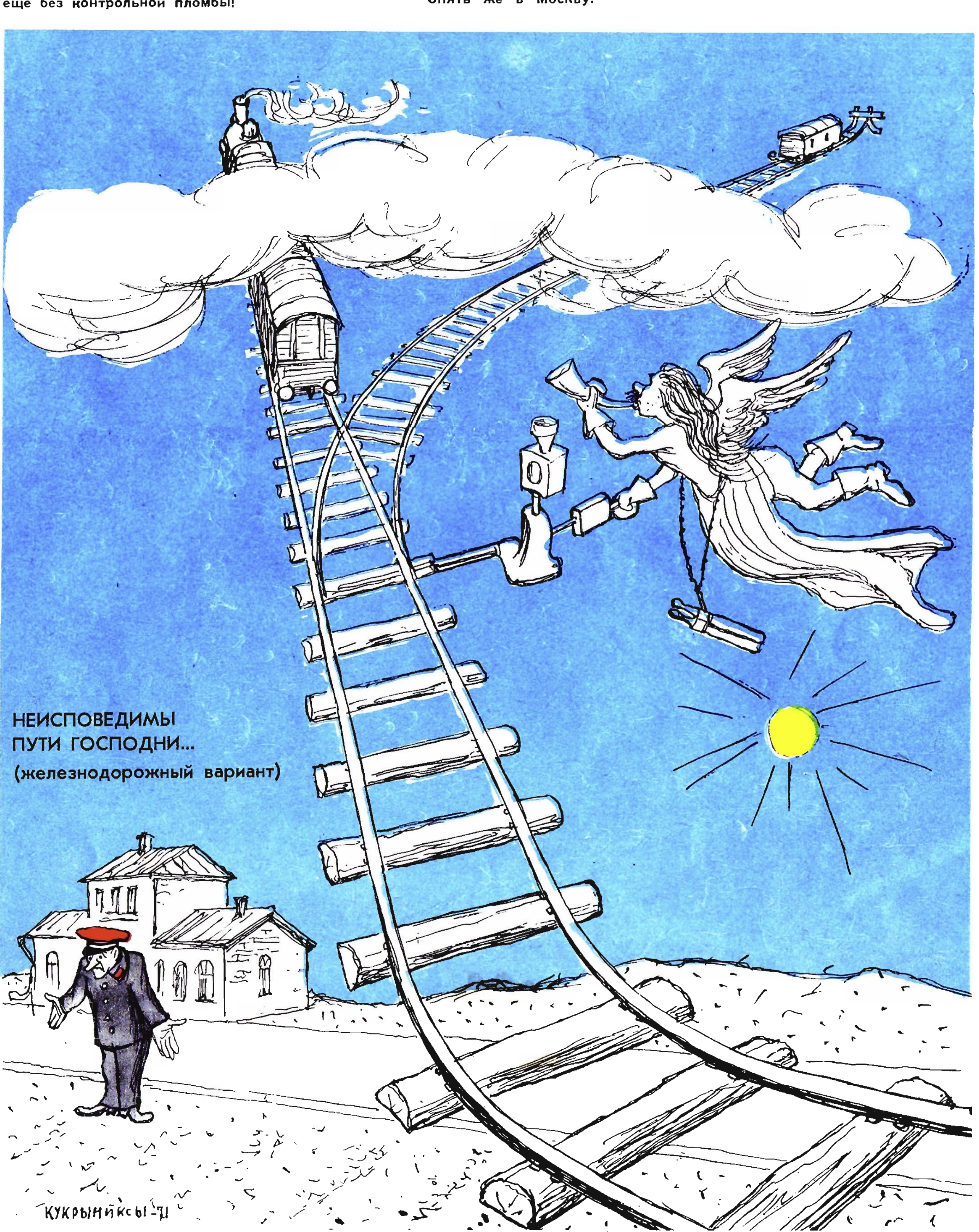
Особенно часто шлет груженые контейнеры в Москву Казахстанская дорога. Целиноградцы прислали сюда обувь и мужские брюки. Из Гурьева прибыла детская обувь. Кустанай одарил столицу полотенцами. Усть-Каменогорск — олифой и лаком. В общем, чем богаты, тем и рады. Караганда, Кокчетав, станция Державинская — все они прислали москвичам посильные дары. Хотя дары эти предназначались совсем другим населенным пунктам.

Рекорд по таким вот, мягко выражаясь, неразумным перевозкам побил контейнер № 809289 с телевизорами «Темп-6», которые были предназначены для магаданцев, а волею дальневосточных железнодорожников попали снова в Москву. Контейнер-рекордист пропутешествовал лишних 18 тысяч километров!

Если бы госпожу Простакову прокатили таким образом, она бы в гневе сказала:

— Пусть, мой батюшка, не своевольничают, а везут, куда требуется. На то есть наука еогрaфия. И всякой извозчик, будь то на лошадях или на чем другом, знать ее повинен.

А. ЗАПЫЛАЕВ,
Л. АЛЕКСАНДРОВА

НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ ГОСПОДНИ...
(железнодорожный вариант)

МИМОХОДОМ

С его души упал камень, разбивший сердце другому.

Безлюдный фонд, а сколько иждивенцев!

Ниже своего достоинства он пока не опускался.

В памяти потомков он сохранится как пережиток прошлого.

Избавиться от своих старых ошибок ему помогли новые.

Магазин обокрали так чисто, что собаке-ищейке нечего было даже понюхать.

А. СЕМЕНОВ

Он прислушивался не к тому, что говорили, а к тому, что не договаривали.

В. БРОДОВ

— Два сапога, а не пара! — удивился бракодел, взглянув на свою продукцию.

Н. ВЛАДИМИРОВ

Колхозную тему в репертуаре театров корова языком слизнула.

Мы не можем ждать милостей от природы после того, что с ней сделали.

В. КОНЯХИН

А. МОРАЛЕВИЧ

ЖИВОТНЫЕ В ГОРОДЕ

Здравствуйте, дамы с разлитием желчи! Здравствуйте, дворники! Здравствуйте, жэковские орлы, орланы, подорлики! Здравствуйте, пенсионер-энтузиаст с авторучкой наперевес! Вызываю огонь на себя!

Жизнь вокруг нас стала сплошь электромагнитной, бумажной, железобетонной. Человек замотался и порвал со своими истоками. Головою, телом он погружен в техницизм и лишь изредка пятками торчит в родную природу.

Умный доктор щупает нервного, изношенного человека, и даже трудно поверить, что произошел он от обезьяны, а не от алгебры.

На отшибе от XX века существуют пока Сочи и Ялта. Отдохнуть от века доктор посылает граждан туда. Человек уезжает, возвращается посвежевший, с лавровым листом в петлице. Но XX век тут же хватает его, защемляет дверями метро, крутит, высасывает.

Тут гражданин пытается нейтрализовать действие века потреблением не одной, а уже двух пачек сигарет «Ява». Затем на чашу весов рядом с «Явой» бросают патентованное средство «Интенсаин R», рекомендуют сосредоточиваться на замедленных красочных зрелищах (наблюдение роста растений).

Но век, схватив человека за шиворот, продолжает насиловать психику.

— А вот, доктор, есть японские подушки такие. На нее ухом лег, и там будто дождик идет, птички попискивают.

— Да, — говорит доктор, — когда-нибудь на научной основе и мы будем прописывать журчания, шелест...

— А может быть, — подозрительно оживляясь, говорит пациент, — бульканье? Колыбельная вещь. На волнах алкоголя.

— Бульканью — бой! — говорит доктор и придвигает рецепт. — Вот что уравновесит, раскрепостит вас, вернет в колею...

И прописывает в рецепте больному купить kanis familiaris (собаку), или psittaci (попугая), или sciurus (белку).

Криво улыбаясь, идет человек домой. В самом деле, как это трехпалая птица амазон кубинский, склочная и постоянно вопящая «Куда делся папа?», может вырвать человека из когтей турбодинамики, непрерывной разливки стали, проблем самотвердеющих смесей и пр.?

— Лучше уж kanis! — говорит человек и решает проблему на максимальном уровне. Он идет в собаководческий клуб, где путем сложных интриг урывает щенка добермана-пинчера из ГДР, от великих Эльзаса Второго и Лотты Веймар Штубе Пятнадцатой.

Три месяца излечивающийся псом пациент приходит в квартиру, напоминающую Карелию с воздуха — озера, озера, озера. Он кормит щенка, втискивает в него глицерофосфат, глюконат кальция, садится на стул, путем самокопания анализируя истекший период, и щенок вьется тут же.

Техницист делает выводы: да, раздражительность поубавилась. Появилось нечто вроде дружелюбия к окружающим и зачатки других добрых качеств. Да, это большой насос по откачке нравственных напряжений — собака.

Нет сомнения, что взрослые лучшают, общаясь с собаками. Просветленность и мир в человеке, владельце животного.

Нет сомнения, что друг семьи кролик Пупа формирует школьников Авдея и Милу иной раз получше, чем Академия педнаук.

Тут внедрить бы животное в жизнь для всеобщего блага, как внедрились электроутюг, репродуктор. Налицо благородная, большая полезность.

И нет. Не внедрить. Общество в целом еще не готово.

Вот что мы видим: подмосковная электричка движется в Болшево. Публика довольно различна. У пожилой гражданки под суконным пальто сидит голубой веселый макак. Дети толпятся вокруг и ликуют. В пять крошечных пальцев макак берет мандаринную дольку — свой плотный обед.

— А вот, — говорит мирянин на соседнем сиденье, — хотел я плодов нездешних купить, так нету! Ить такое стерво, небось, фунта два в себя мнет. На трудовой доход не вскормить.

— Безобразие, пускают их в транспорт! Антоша, иди сюда. — И соседке, но громко, на публику: — Далеко ль до инвазии! Гельминтоз — вещь нешуточная.

— Чего?

— Глисты. Прицепится вот такой солитерище!

— С жиру обезьянов-то держат. Были б дети, так не до мартышков.

Возникает обложная травля, со вкусом. Понятно, есть в вагоне сочувствующие. Но они тут же вперяются в книжки распространенной библиотеки «Подвиг», едва торча ушами из разлома страниц.

Кого-то обидел начальник. Кому-то не досталось чего-то. Кто-то прошляпил вакансию — и все будет вымещено на кошке, собаке, кожистой черепахе. Пулей вылетит из вагона владелец, не доехав пять станций до места, и будет стыдиться он толстой кожистой черепахи, глянцевой шерсти кота, будто свершил постыдное дело, подорвал кормлением животного общенародные продовольственные устои.

Туго, туго энтузиасту с животным. Повсюду торчат в небе стрелы башенных кранов, на фоне облаков маячат расторопные каменщики. Под это улучшение жилищных условий человек тем паче тяготеет к животному, надеясь взмывать с ним в лифте на четырнадцатый этаж.

Но до чего ж он не взмоет! Хоть нету такого закона, энтузиаст, ударяя в грудь пятерней, авоськой с картофелем, детским велосипедом, выпихивает друга природы из лифта.

Во дворе, под лестницами — досуги антисанитарных пьянчуг, здесь вводят в себя тяжкий, отравительный портвейн, где пия, там и лья. Но пьянчугу окрестный житель жалеет, чтит кем-то вроде Василия блаженного и иной раз сам добавит недостающую гривну. Заметьте, житель даже не пугает пьянчугой детей, и под ненавистную манную кашу на ребенка скликаются милиционер, дядька с мешком и «гав-гав».

Но стоит во дворе пискнуть микрособаке! Страшен становится обыватель. Доглатывая колбасу, он вываливается по пояс в окно, свешиваясь кулаками почти до земли:

— Сами кобели и собак развели!

Надев выходной престижный костюм, обыватель-манифестант летит в родственный жэк.

— С гневным протестом! — говорит он, отирая влажные щеки.

— А за квартиру уплочено?

— Ну! По декабрь.

— Тогда дело. Чего там по существу?

— Собака. Коты! Аксолотля пригрели на восьмом этаже!!!

— Ладно, — говорят жэковские орлы, орланы, подорлики. — Это мы можем. Тут нам не занимать стать.

Пусть текут краны. Пусть текут крыши. Пусть батареи вынуждают отдергивать руку — как лед: жилищная контора уходит в большую борьбу. Дворники мечут в сиамского кота толстые струи из шлангов. Активист домкома с дрекольем настигает вынесенного к солнцу ежа. В детской песочнице дама из солидарных, выбрав наименее разрушенную часть своего тела, приспосабливается давить черепаху.

А машинистка жэка бьет на рыжей бумаге повестки: явиться.

И сколько комплексов развивается у владельца животного! Робкий, томимый, вертит он повестку в руках.

— Тоня, а может быть, не пойти? Все уляжется?

Летчики-испытатели, кавалеры орденов Славы трех степеней, герои дрейфующих льдов — куда что девалось! Съежившись, идут они в жэк подвергаться. И здесь еще хуже герою, здесь его попрекнут:

— Вот, товарищ, вы покоритель пространства, почетный комсомолец района, а инициативная группа вчера кал от вашей собаки установила. Некрасота.

— Да как же... — лепечет герой и выметывает на стол последнее, чем хочет спастись, — фотографии великих людей с животными на руках. — И Гете писал: «Даже самый брезгливый человек будет благосклонен к хорошо воспитанной собаке». Вот и Горький: «Люди, не любящие животных, представляются мне людьми сомнительными, на них положиться нельзя».

Герой тут же спохватывается, что самоубился, но поздно.

— Значит, вам я представляюсь сомнительным? Его от меня воротит! Он бы меня с собой в разведку не взял! Ладно.

И мы видим затем, как идет уважаемый академик с терьером, с лопаткой, ведерком, как с тряпочками и картонками семенят герои и просто хорошие граждане, беззаветно любя живое. Они гуляют по бровке, разделяющей мостовую и тротуар. Это ничейная территория. А за ними в бинокли «Цейс», «Кельвинатор», «Йашика», в морские пятнадцатикратные призматические, в школьные телескопы следят члены домкома.

Начальник служебных собаководов столицы Юшенов идет к большому транспортному начальнику. Мольба: дайте хотя бы пятьсот разрешений на провоз молодых собак к учебным площадкам.

— Никогда! — отрезает начальник.

— Но слепым с собаками-поводырями можно? Смотрите, собаки членов нашего клуба обнаруживают магистральные утечки газа, помогают в борьбе с хулиганством. Разрешите трамвай и троллейбус. Пожалуйста. В намордниках, на поводке. Ведь это нонсенс: члены клуба гримируются уже под слепых, чтобы проехать к учебным площадкам!

— Даже так? Н-ну-ну! Будет отдан приказ контролерам освидетельствовать слепых.

И пристально косят контролеры под темные очки человека с собакой.

И звонит телефон в редакции «Крокодила»:

— Дайти карикатуриста, гвоздануть тут юннатов.

И страшно робко принимаются законы об ответственности за жестокое обращение с животными при аплодисментах в зале, будто убили ладошками три моли.

Есть, конечно, и сдвиги. Народные контролеры, стоя перед курганом лома средь заводского двора, распушают блокнотики.

— Да, — потеет заводская администрация. — Но птичка свила там гнездо. Горихвостка. Как выведет птенчиков, сразу...

На пятом этаже отеля «Москва» в Москве, отвлекая толкачей от тягостных мыслей, что опять не удалось надуть союзные организации, в холле поет канарейка.

Но вот в день после Нового, 1970 года тучный гражданин, чьи прогулки полагалось бы измерять в тонно-километрах, решает начать новую жизнь и встает на лыжи. Он скользит в подмосковном лесу, но вдруг вскрикивает, пятится задом и врывается в Москву с ужасным лицом. По его сигналу выезжают на место члены Общества охраны животных.

Здесь отметила Новый год большая компания. Бал гудел вокруг лесной ели и украсил ее, повесив на сучья живых кошек, собак, морских свинок. То-то было весело, как они дрыгались под музыку радиостанций в свете костра, на гитарных басовых струнах!

Ах без восклицательного знака. Ох. Баловники. Но это когда-а еще было! В прошлом году! За год самосознание растет знаете как?

И все же при нынешнем отношении к животному в городе мы опять недосчитаемся многих.

Состязание по бегу.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Ян ПОЛИЩУК,
специальный корреспондент Крокодила

МЗДОИМЦЫ-ГУМАНИСТЫ

В центральной республиканской поликлинике круто пахло эфиром и косметикой. Надвигался тот благословенный час, когда врачи укладывают в шкафчики фармацею и регистраторша, надменно оглядев позднего пациента, тянется к ридикюлю за помадой № 5.

Впрочем, этот конкретный пациент пробуждал некоторое сочувствие. Был он зеленый и обросший, словно неспелая ягода крыжовника. И регистраторша, презрев бюрократизм, прокричала ему, как пройти к ларингологу. И вот он, смиренно скинув кепку, входит в кабинет к Нонне Абиловне Газиянц.

— Как живете? Что плохого? — участливо интересуется докторша.

Пациент, сконфузившись, объясняет, что плохого хоть отбавляй. Дело в том, что сумгаитские медики обнаружили у него неврит слуха. И теперь командировали к опытному специалисту.

— Опыт, конечно, есть,— не спорит докторша.— А сейчас скажите «а»... Голубчик, так у вас же двусторонний аргезивный отит!

— Не может быть! — пугается пациент.— А что это такое?

— Э! Имеющий уши да слышит. Придется сделать операцию. Но сначала надо прибегнуть к методу предварительного субсидирования.

— Так прибегните, доктор. А я вам обеспечу букет чайных роз.

Докторша неожиданно надувает губы.

— А почему вы решили, что я какое-нибудь травоядное?

Пациент тушуется, но после некоторого раздумья выбирается на верный путь.

— Сколько?

— С носа тридцать рублей, с уха — сорок...

— Так, значит, вы мне вернете слышимость?

— Как в аптеке! Вы в каком доме живете — в старом или новом?

— В новом, конечно, новом!

— Скоро вы будете улавливать не только шепот соседей, но и то, как мышь грызет крупу в бакалее напротив... Однако, сказавши «а», произнесите и «б»...

И она хорошо отрепетированным движением приоткрывает ящик стола, в котором соседствуют пинцеты-ланцеты, дамские заколки и пока еще пустая бонбоньерка из-под шоколада «Девичья башня».

Здесь предвидится нетерпеливое покашливание читателя. Дескать, перед нами банальный случай вымогательства.

Минуточку терпения. Так на чем, бишь, мы остановились? Ах, да, на бонбоньерке. Уже в приведенном этюде, как нам кажется, можно разглядеть черты, которые позволяют говорить о некоторой специфике. Для наглядности выстроим рядом с Н. А. Газиянц ее молочных братьев — доцента кафедры философии Азербайджанского пединститута Рамазана Саидова и директора бакинской школы № 7 Дамира Гаджи-оглы Халилова. Это, если хотите, взяточники-интеллигенты, мздоимцы-гуманисты.

Как положено, это должностные лица, от которых требуется не только административный порыв, но и знание спецвопроса. Заметьте, что и Н. А. Газиянц не просто рядовая великой армии медицины. Опираясь на свой опыт, она уже подкрадывается к теме для диссертации.

Большим умником выглядит также доцент-философ Рамазан Саидов. Он не только стойко образован сам, но и стремится приобщить к наукам наиболее достойных.

— Дети мои, изучая философию, не забывайте об арифметике! — говорит взыскательный педагог студентам, взыскивая с них по двадцатке за каждую пятерку.

Нет, нет, он не давит на психику, не лезет на абордаж, размахивая крючьями и ятаганом. Ему вообще претит медвежья натурфилософия какого-нибудь вымогателя-хозяйственника: «Отвали сотнягу, будет у тебя кафель типа «анютины глазки». Доцент педантично ставит тем, кто обложен данью, проходной балл, а всем заартачившимся — назидательные двойки. Как видим, его отличает и обязательность.

— Аккуратность — вежливость интеллигента! — афористично напоминает наш философ-киник, забывая при этом, что вся его интеллигентность заключается в хорошо повязанном галстуке.

Следуя этой же чеканной системе, докторша тоже не брала ни у кого ни единой копейки, не дав ничего взамен — ну, хотя бы мази от веснушек на мочках уха... Тут сказывается глубокий гуманизм наших персонажей.

Так примерно проявил себя и упоминавшийся нами выше директор школы. Правда, в ситуации, так сказать, полярной. Как раз перед выпускными экзаменами ученик, которого натаскивали всем педколлективом, схватил бесперспективный неуд. Этот ветрогон, говоря между нами, испытывал затруднения с сочинениями. Что-то у него не клеилось со склонениями-спряжениями да и слог так подгулял, будто бражничал всю ночь в шашлычной.

Опасаясь подмочить показатели, которых ожидает роно, директор срочно кличет мамашу. Завязывается долгий и нерадостный диалог.

— Я борюсь за всеобщее полное среднее образование,— сообщает директор,— а ваш сын нас тянет назад.

— Так что же теперь делать? — пугается мамаша.

— Мобилизовать все средства на получение аттестата.

— Ах,— вздыхает мамаша,— я уже наняла двух репетиторов и одного педиатра.

Директор галантно предлагает:

— Мне больно видеть, как распыляется народное достояние. Лучше отдайте его в одни надежные руки.

— В чьи? — интересуется мамаша.

— В мои, например.

— Ах,— взвинченно говорит мамаша,— вы из меня и так все вина-соки выжали!

— Ну, зачем же так грубо?! Если вам тяжело, я готов взять частями.

— Барашек в бумажке — так это, кажется, называется?

— Если вы так хорошо знаете литературу,— въедливо говорит директор,— отчего бы вам не сдать экзамен вместо сына?

— Сдаюсь,— говорит мамаша, доставая портмоне,— придется продать недвижимость.

— Какое преданное материнское сердце! — с чувством говорит директор.

...Может статься, кое-кто будет недоволен нашим рефератом. Дескать, не достойны ли эти персонажи снисходительной пастели? Ведь в конце-то концов они оказывают добрые услуги на основе взаимности. Ведь в итоге они совершают благодеяние...

Бывают услуги — и клиенты нашей несравненной сферы быта это подтвердят,— за которые хочется дать по рукам в той или иной форме. И какое же это, черт возьми, благодеяние, если ДОЛЖНОСТНЫЕ лица, которые ДОЛЖНЫ неуступчиво и честно исполнять свой ДОЛГ, вместо этого цинично извлекают барыши из чужих несчастий и затруднений?!

Хочется сослаться на мнение такого небезызвестного авторитета, как Федор Михайлович Достоевский. Классифицируя разные проявления подлости, в том числе и мздоимство, он особо помечал подлецов, которые убеждены, что их деяние есть высочайшее благо.

Но от этого, указывал классик, они не переставали быть подлецами.

Азербайджанская ССР.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

НЕ ПРОПАДАЙ!..

В кабинете директора базы спорттоваров Самойлюка раздался телефонный звонок, и чей-то простуженный голос прохрипел:

— Здорово!

— Здравствуйте. Кто это?

— Не узнаешь? Стыдно, дружище!

Бас закашлялся, а Самойлюк нетерпеливо сказал:

— У меня дел по горло, товарищ. Вы или назовитесь, или...

— Ну, ты всегда занят, еще со школьной скамьи. Так уж и быть: Гремякин это.

— Витька?!

— Он самый.

— Ах ты черт косолапый! Не узнал!

— Из автомата звоню, с вокзала. Только приехал, и вот сразу — к тебе.

— Ну и молодец! Надолго?

— Не знаю. За назначением новым. Может, на день, а может, и навсегда.

— Вот было бы здорово! Ты, значит, устраивайся и звони. Главное, не пропадай. Ладно?

Самойлюк повесил трубку, задумался на минутку, вспомнив далекие школьные годы, юность свою, друга Витьку...

Но помечтать всласть не дали. Сначала сообщили, что прибыли лыжи без палок. Потом выяснилось, что палки загнали совсем не на ту базу. Затем явились сотрудники составить заявку в снабженческое управление, и Самойлюк утонул в делах, забыв обо всем на свете.

Заявка, впрочем, не доставляла особых хлопот: ее регулярно готовили по раз навсегда заведенному правилу.

— Итак, — говорил Самойлюк, — сколько нам нужно ракеток для бадминтона?

— Да штук триста, не меньше.

— Угу. Пишите пятьсот. Все равно срежут. А волейбольных сеток?

— Сто семьдесят хватит, пожалуй.

— Значит, двести. Гантелей? Шестьдесят пар? Сто для круглого счета.

Дня через три утром в его кабинет вбежал взволнованный сотрудник.

— Заявку-то нашу удовлетворили!

— Ну и что, — спокойно сказал Самойлюк, — первый раз, что ли?

— Да, но на этот раз ее удовлетворили полностью!

— Как так? — вскочил Самойлюк. — Не может такого быть!

— А вы сами взгляните.

Самойлюк взглянул и схватился за голову.

— Куда же девать столько товару? Что они там, обалдели?

Весь день Самойлюк с помощниками уговаривали директоров магазинов:

— Слушайте, есть замечательные футбольные камеры. Хотите, надуем? Нет, не вас — камеры! Не надо? Свои девать некуда? Ясненько... Ну, а вот вы выручите, возьмите товарчик. Взяли уже? А еще? Если не в магазин, то, возможно, знакомым каким-нибудь или для своей семьи. Гирями можно вколачивать гвозди. На волейбольную сетку белье вешать. Ракеткой взбивать большой гоголь-моголь...

Но товар упорно не брали, и Самойлюк был буквально в отчаянии. В самый разгар неприятностей позвонил Гремякин.

— Привет!

— А, опять ты, — процедил Самойлюк.

— Что такой грустный?

— Беда. С товарами полная неразбериха!

— Неужели? Странно... Я уверен был — полный ажур.

— У тебя-то откуда такая уверенность?

— Так ведь заявку твою кто удовлетворял? Я.

— Брось шутить...

— Серьезно. Как получил назначение начальником снабжения, так сразу и за дела. Гляжу, заявка твоя лежит. Ну, я точно по списку, сколько просил... Может, еще подбросить?

— О господи! — простонал Самойлюк.

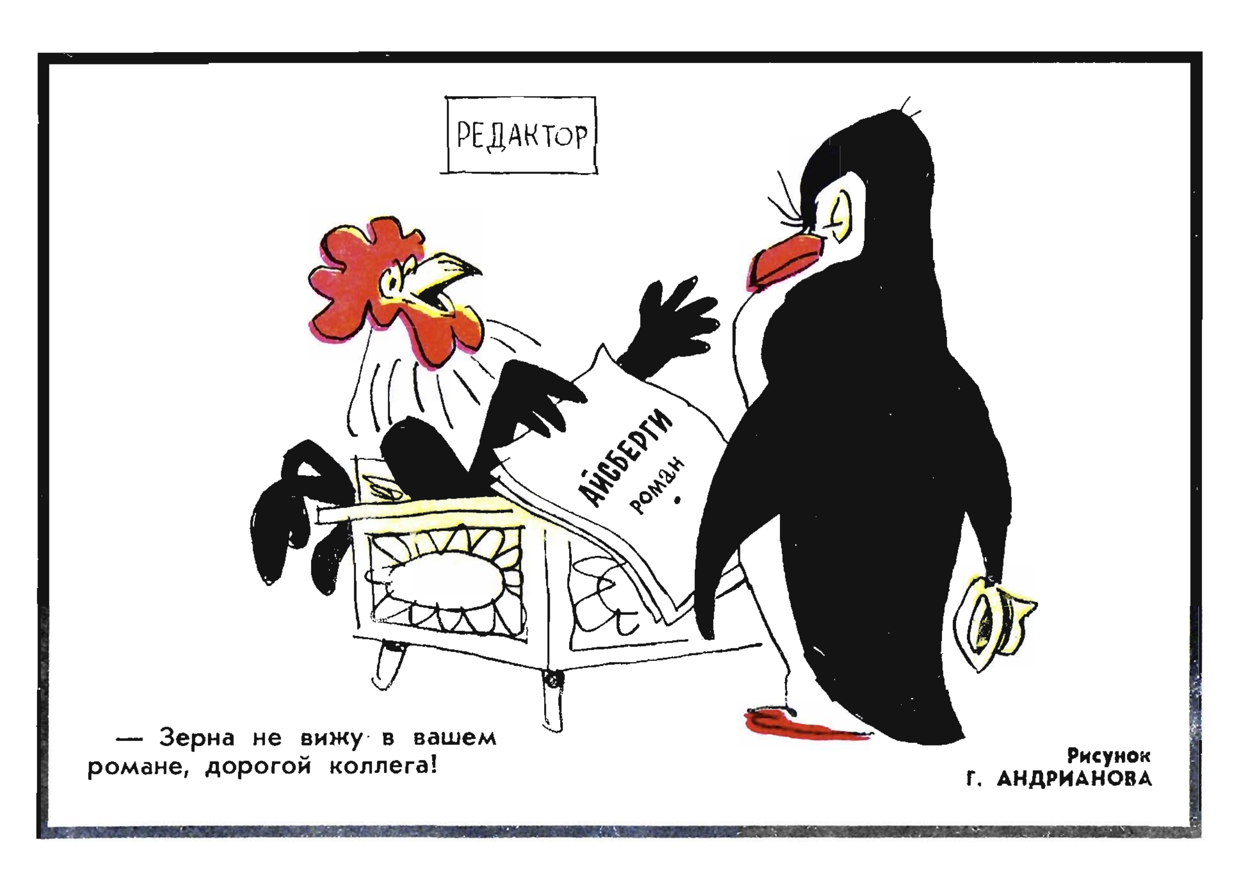
— Так как насчет встречи нашей? — весело продолжал Гремякин. — Вроде бы договаривались...

— Знаешь что, — сказал Самойлюк, — я тут разберусь окончательно, выберу время и тогда уж... сам позвоню. Хорошо?

— Заметано! Жду! — воскликнул Гремякин и добавил с усмешкой: — Ты только не пропадай.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

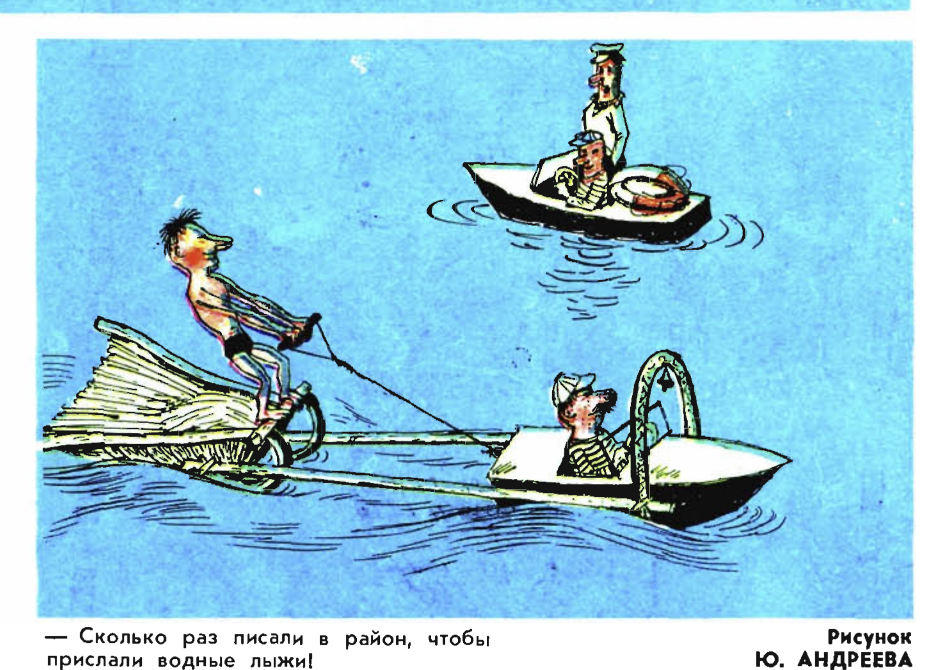
— А мне, пожалуйста, одну бутылку: я еду за город только на один день...

— Зерна не вижу в вашем романе, дорогой коллега!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

ЛЕТНИЕ СТРАНИЦЫ

— Сколько раз писали в район, чтобы прислали водные лыжи!

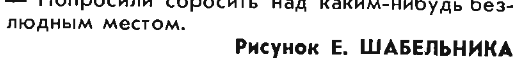
Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

— Мне прописаны морские ванны!

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Попросили сбросить над каким-нибудь безлюдным местом.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

РАСКАЧИВАЮТСЯ...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Вот таким манером второй день рыбу глушит...

Рисунок В. СПЕЛЬНИКОВА

Юрий БЛАГОВ

Утро в деревне

С утра в избе звучит Москва,
А рядом — местный звук.
В светлице слышно: «Раз-и-два...»
В сарае — «Тюк да тюк...»

Перелетают через тын
«Тюк-тюк» да «раз-и-два...»
. . . .
Зарядку начал делать сын,
А мать — колоть дрова...

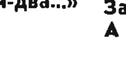
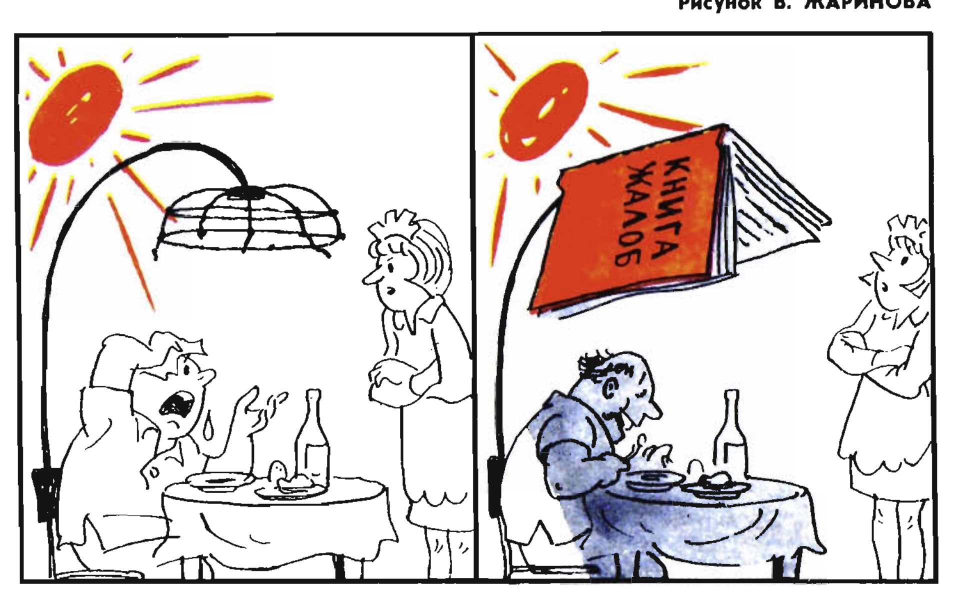

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Пишут, что надвигается какой-то тропический ураган...

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— Дайте жалобную книгу!

. . . .

Рисунок С. СПАССКОГО

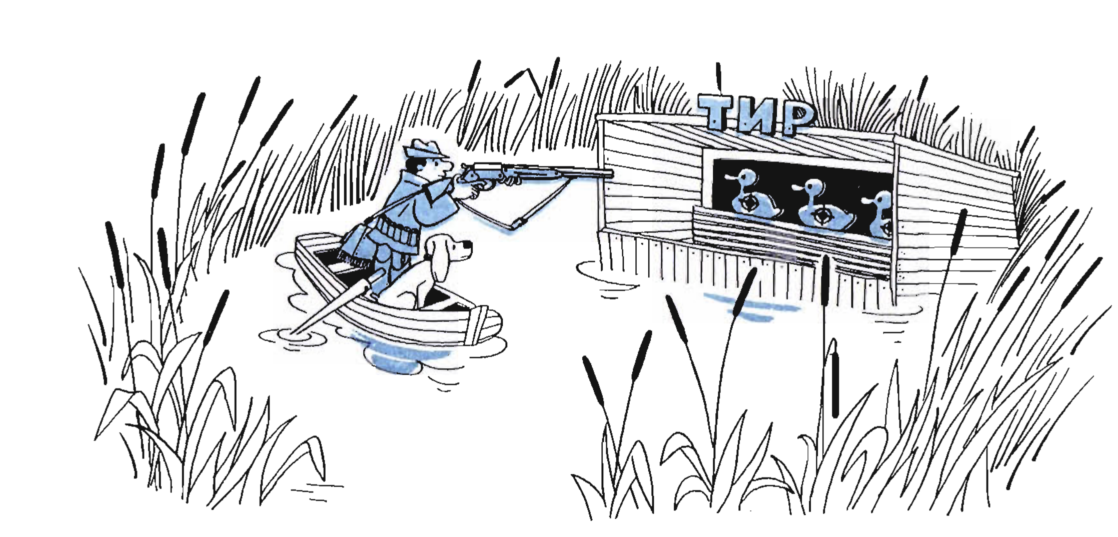

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

С. ДОВЛАТОВ

У реки

— Нет,— сказала Зиночка из параллельной группы,— мы останемся друзьями.

Студент Федя Чирсков печально вздохнул, опустил глаза, повернулся и пошел прочь.

«Теперь все ясно,— думал он,— пойду и утоплюсь».

То есть идеально было бы сначала утопиться, а потом прийти к той же Зиночке и сказать:

— Полюбуйся, что ты натворила, жестокая!

Но Федя знал: хотя подобная идея с незапамятных времен владела умами всех отвергнутых влюбленных, в полной мере осуществить ее никому почему-то не удавалось

Федя направился к реке твердым, решительным шагом.

«Где бы тут как следует утопиться?» — думал он, проходя вдоль пожелтевших кустов орешника.

Выбрав место по душе, он скинул брюки, джемпер, носки и берет, еще раз помянул Зиночку укоризненным словом и ступил в ледяную воду.

— Бр-р, какой холод!— воскликнул он, потом пренебрег метеорологическим фактором и двинулся на середину реки.

Он шел и вспоминал те слова, которые произнесла Зиночка во время их последней встречи:

«Вы, Федя, человек неплохой, но какой-то обыкновенный. А я смогу полюбить лишь героя, совершившего подвиг».

«Нет,— подумал студент,— совершать подвиги не мой удел».

И он шагнул вперед.

Вода уже доходила Феде до подбородка, и юноша хотел было погрузиться навек в темные глубины, как вдруг услышал шум на берегу.

Он оглянулся.

Из кустов вышел незнакомец и медленно, воровски озираясь, направился к Фединой одежде. Вот он схватил Федины брюки и так же медленно повернул обратно.

— Мои единственные брюки! — возмущенно крикнул Федя.— Положи назад, негодяй!

Вор сорвался с места и побежал. Федя, поднимая фонтаны брызг, кинулся за ним.

Вор бежал с огромной скоростью. Брюки развевались по ветру. Но ледяная ванна придавала Феде силы. Он настигал.

Вдруг из-за поворота выехал на мотоцикле старшина милиции Сезостьянов, который давно уже следил за вором. Он поставил машину поперек дороги, расстегнул кобуру и громовым голосом воскликнул:

— Брюки вверх!

И в этот миг Федя Чирсков схватил прохвоста за шиворот.

А еще через минуту они мчались на мотоцикле в районное отделение милиции. Вор сидел в коляске, плакал и божился:

— Я ведь их только почистить хотел, отутюжить и вернуть.

На следующий день в газете появилась заметка под рубрикой «Так поступают студенты газотопливного техникума». В ней было сказано, что Федя Чирсков, «направлявшийся к реке по личному делу, задержал матерого жулика и рецидивиста».

В тот же день Федя встретил в буфете Зиночку. Она подошла к нему и смущенно сказала:

— Как вам не стыдно, Федя, вы не звонили мне целую вечность!

г. Ленинград

Леонид ЛЕНЧ

Казус

Из рассказов старожила
П. С. НЕНАРОКОВА

Недавно в нашем городском суде разбирался довольно интересный казус.

Этот казус наделал в городе много шуму, о нем судачили (и до сих пор судачат!) наши кумушки обоего пола. Но наряду с кумушками его обсуждали и граждане с общественным направлением сознательного ума, что и дает мне основание, товарищ писатель, надеяться, что наш казус вас заинтересует и вы зацепите его своим уважаемым пером.

Судили шофера Сережу, то есть Сергея Афанасьевича П-ва, тридцати двух лет, ранее не судимого, женатого, детей нет, за то, что он, будучи в здравом уме и трезвом состоянии, причинил зверские побои своему начальнику, директору конторы «Сплавснаб» Капитону Власьевичу С-о, сорока трех лет, женат, двое детей. Ранее не судимый шофер Сережа причинил своему директору побои палкой от швабры, причем Капитон Власьевич отделался легкими телесными повреждениями лишь потому, что, уйдя в глухую оборону, защищался кухонной табуреткой, ловко действуя ею, как щитом. Однако ранее не судимый Сережа, изловчившись, все же урезал бедного Капитона Власьевича своей боевой палкой от швабры три раза по живому месту: один раз по голове и два раза по ногам. Последний удар, особенно болезненный, пришелся по директорским ягодицам, когда Капитон, спасаясь бегством, замешкался в дверях.

На суде шофер Сережа сказал по этому поводу так:

— Пусть он Катьке[1] спасибо скажет за то, что она утюг успела схоронить, и я схватился за швабру, как за первое попавшееся мне на глаза подручное средство. А то бы я ему нанес не легкие, а тяжелые телесные повреждения.

На это директор Капитон Власьевич возразил:

— Если бы он, граждане судьи, схватил утюг, он бы меня просто убил до смерти. Своей же зверской палкой он нанес мне не легкие, а тяжелые телесные повреждения. Прошу вас, обратите ваше внимание хотя бы на этот страшный, до сих пор не рассосавшийся синяк под моим правым глазом!

Это заявление директора шофер тут же опроверг. Он сказал:

— Напрасно вы, Капитон Власьевич, пришиваете мне вашу гулю. Эта гуля не моя работа. Она — дело рук вашей супруги Серафимы Аркадьевны, которой я и прошу передать мой привет, пожелание успеха в работе и счастья в личной жизни.

Обстоятельства дела шофера Сергея П-ва, как показал судебный разбор, весьма просты и сами по себе казуса не представляют. Капитону Власьевичу, директору «Сплавснаба», приглянулась красивая жена Сергея. Отправив шофера в служебную командировку в областной центр,— нужно было срочно доставить туда какие-то важные отчетные бумаги,— Капитон Власьевич тут же заглянул к его жене с букетом цветов в руке и с бутылкой коньяку в кармане. А у мужа при выезде из города что-то случилось с карбюратором машины, и он вернулся домой, намереваясь у себя во дворе, в спокойной обстановке, наладить мотор. Зайдя в дом и застав в комнате нежданного гостя с коньяком и цветами и обескураженную Катюшу, оскорбленный Сережа схватил палку от швабры и отомстил за покушение на свою мужскую честь так, как описано выше.

Надо сказать, что вначале сочувствие всех присутствовавших в зале суда при разборе казуса было на стороне ранее не судимого шофера Сережи. В особенности после того, как его защитник-адвокат удачно ввернул, что, дескать, во Франции даже за убийство из ревности убийцу оправдывают. Конечно, нам незачем равняться на порядки в капиталистических странах, но тем не менее все считали, что похотливый ловелас Капитон заслужил свои легкие телесные синяки и наказывать оскорбленного мужа не надо. Однако потом настроение в зале изменилось. И не в пользу шофера Сережи. Желая выгородить себя и окончательно утопить ловеласа Капитона, он достал из кармана штанов бумагу и огласил адреса других жен (причем не только жен сотрудников «Сплавснаба», но и жен работников других ведомств), которых посещал блудливый Капитон, когда их мужья отбывали в служебные командировки.

— У меня, граждане судьи, все в глазах помутилось, когда я увидел цветы в вазе и коньяк на столе! — сказал, потрясая донжуанским списком Капитона, оскорбленный муж Сережа.— Я его повадки знаю! Он всегда цветы и коньяк брал, когда ездил со мной на служебной «Волге» по этим адресам. Прошу советский суд сурово покарать этого блудодея за аморальные нарушения морального кодекса.

Судьи переглянулись и ничего не сказали. А потом вынесли свой приговор: шоферу дали шесть месяцев принудительных работ, а блудодея Капитона предложили разобрать в общественном порядке в коллективе «Сплавснаба».

После оглашения приговора мнения присутствующих в зале суда разделились.

Завязались горячие споры. Одни говорят: «Неправильно, что шофера закатали. Он оскорбленный, его надо было условно осудить». Другие им вторят: «Надо было не Сережу осудить, а его Екатерину «Великую».

В спорах участвовали и присутствующие женщины, причем в своеобразной, я бы сказал, рукословной форме. Одна дамочка из числа тех, кого шофер Сережа включил в оглашенный им на суде донжуанский список ловеласа Капитона,— подошла к Сереже и громко, чтобы все слышали, сказала:

— За другие адреса я не отвечаю, но персонально к нам в дом Капитон Власьевич приезжал с цветами и коньяком на семейное торжество — на день рождения мужа. Я могу двадцать два свидетеля выставить! За то, что вы меня тут публично грязью облили, я вас публично же наказываю.

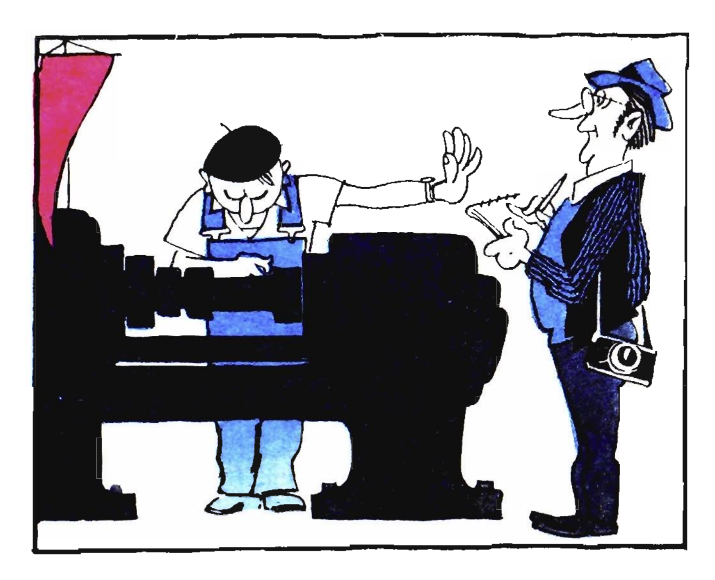
Сказала и влепила ранее не судимому Сереже довольно звонкую пощечину, а влепив, прибавила:

— Можете на меня теперь жаловаться в этот же суд!

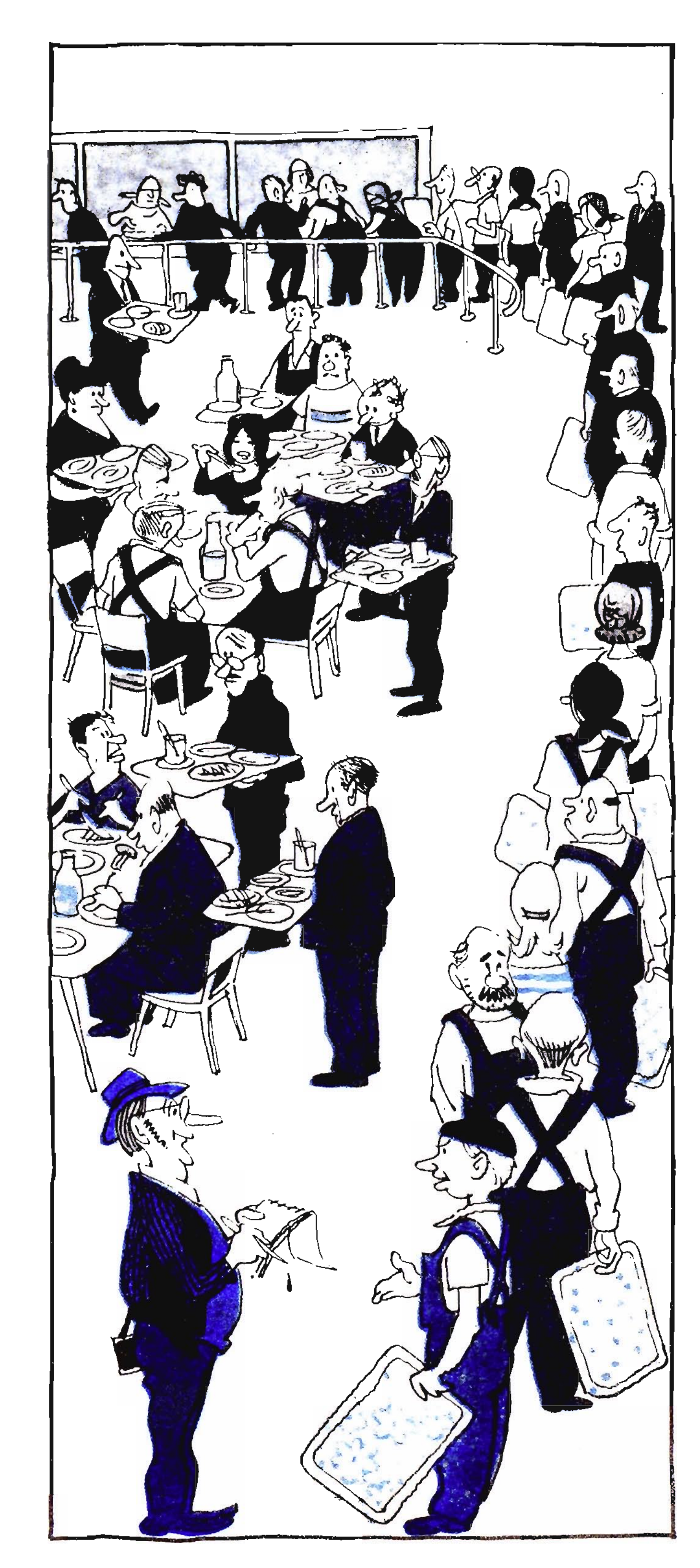
В общем, казус наскочил на казус!

Если вы, товарищ писатель, хотите знать мое мнение, то я считаю, что суд вынес правильный приговор, потому что в данном случае на весах морали оскорбленный муж потянул столько же, сколько и его оскорбитель.

[1] «Катька» — это Екатерина Петровна, 29 лет, жена ранее не судимого шофера Сергея, красивая, упитанная бабенка, из-за которой и произошел вышеописанный казус с примененением палки от швабры с одной стороны и табуретки — с другой.— П. Н

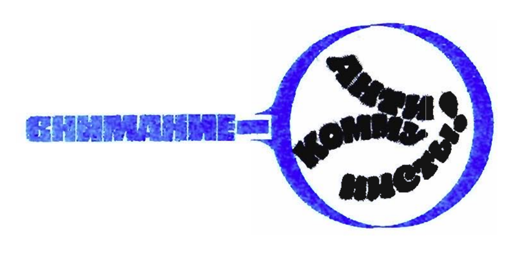
. . . .

— А вот здесь я могу вам дать интервью!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

КОМПЛЕКСЫ ГОСПОДИНА ФИШЕРА

К вилле известного венского психиатра подкатил дымчатый «мерседес». Из него вышел старик в больших роговых очках. Подойдя к двери, старец несколько раз нажал кнопку звонка.

— Профессор сегодня не принимает,— сухо известила ассистентка профессора фрейлен Сузи.

Но пациент уже переступил порог.

— Передайте профессору, что его просит принять Эрнст Фишер.

Сузи поднялась в кабинет. Профессор наморщил лоб.

— Не тот ли это Фишер, которого буржуазные газеты называют «величайшим марксистским мыслителем современности»? — подумал он вслух.— Просите.

— Профессор, я страдаю,— сказал вошедший и, не дожидаясь приглашения, принялся разуваться. Сбросив туфли, он, покряхтывая, улегся на кушетку. Чувствовалось, что это многоопытный завсегдатай психоаналитических кабинетов.

— Что конкретно вас терзает?

— Я все время сомневаюсь, профессор,— начал Эрнст Фишер свою исповедь.— Я сомневаюсь, правильно ли я воспринимаю окружающую меня реальность. У меня нет уверенности, что мои поступки — это действительно мои поступки, а не какого-то сидящего во мне второго «я». И так всю жизнь, всю жизнь, с самого детства!

— Успокойтесь, голубчик, я постараюсь облегчить ваши страдания. Только помогите мне установить истоки заболевания.

— Еще в юности, бывало, начинаю спорить со своим отцом, генералом австро-венгерской армии, доказываю ему, что буржуазно-монархический строй реакционен и несправедлив, и тут же какой-то коварный голосок в душе ехидненько спрашивает: «А так ли?» И я начинаю колебаться, теряю уверенность в правоте собственных аргументов. В ту пору я увлекался учением Зигмунда Фрейда и считал, что моя раздвоенность проистекает из-за нарушений в сексуально-психической сфере. Я был неравнодушен к собственной родной сестре и со стыдом подумывал, не жениться ли мне на ней.

Дальше — хуже, — продолжал Фишер, поудобнее подкладывая под голову думочку.— В Австрии началась революция, и я опять оказался в пучине сомнений. С одной стороны, я видел несовершенства буржуазного мира, с другой — боялся чумазых пролетариев, которые угрожали моему благополучию. Я даже вступил в отряд самообороны, где собрались дети состоятельных родителей, чтобы огнем и свинцом защитить свою собственность от восставших рабочих. И опять сомнения, терзания: куда и с кем идти?

А пока я устроился судебным репортером в одну буржуазную газету. На этом поприще я имел большой успех и вскоре получил приглашение от социал-демократической «Арбайтер-цайтунг». После мучительных сомнений я переломил себя и пошел к социал-демократам. Меня увлекла политика, как некогда родная сестра. «Эрнст, не лезь в политику, это — нездоровое влечение»,— шептал внутренний голос. Но я не мог ничего с собой поделать и писал статью за статьей. Кончилось это плохо. Нужно было слушаться внутреннего голоса. В феврале 1934 года австрофашистское правительство запретило социал-демократическую партию, и мне пришлось бежать в Прагу.

Тут-то, профессор, и начинается самый тяжелый период в моей жизни: на четверть века я становлюсь коммунистом. Не по убеждению, нет. Наоборот, внутренний голос твердил мне неустанно: «Не для тебя это, Эрнст, не по дороге тебе с красными». Пришлось идти на компромиссы с собственной совестью, выводить этакую среднюю равнодействующую между противоречивыми политическими влечениями. Многое из того, что я писал в своих книгах, не соответствовало принципам марксизма-ленинизма. Коммунисты уверены, что между идеологиями не может быть примирения, а я в книге «Искусство и сосуществование» с этим не согласился: я полагаю, что здесь возможно мирное сожительство. Они считают пролетариат основной движущей силой, а я — интеллигенцию. Пресса меня поддерживала. Естественно, не коммунистическая. Вот, например, западногерманская «Франкфуртер альгемайне» поместила хвалебную рецензию на мою книгу об искусстве, озаглавленную «Интеллектуалы всех стран, соединяйтесь». Не правда ли, здорово?

— Интеллигенция и молодежь,— рассуждал далее Фишер,— вот основные движущие силы нашего времени. Пускай они незнакомы с марксизмом, я с ним тоже толком незнаком. Да и не в этом дело. Зато какой у молодежи заряд энергии! И знаете, профессор, мне иногда хочется одеться как «хиппи» и пойти с ними куда глаза глядят, крушить все что попало, драться все равно с кем. И до меня предприимчивые люди, например, Троцкий, заигрывали с молодежью. Но его нет, а я жив. Надо подорвать коммунистическое движение. Ну хотя бы так, как это пытались сделать мои друзья из Чехословакии — Гольдштюккер, Свитак и другие. Эх, черт, не вышло это дело в Чехословакии,— сорвалось...

Но я не растерялся. Взялся за теорию. Надо было убедить народ, что все в мире развивается не по Марксу и Ленину. Сказано — сделано. Берусь за перо, и вот две книги — «Что в действительности говорил Ленин» и «Что в действительности говорил Маркс». Надергал цитат, кое-где подредактировал их, прокомментировал. И — пожалуйста вклад в «революционную» теорию!

Правда, труды мои коммунисты издавать не захотели, но попался добрый человек — Фриц Молден — зять бывшего шефа ЦРУ Аллена Даллеса, напечатал меня. На Западе книги понравились, особенно те места, где я говорил о вреде «демократического централизма» в партии. Хвалили меня очень и лондонская «Тайм» и венский «Цукунфт» — журнал моих бывших, а как знать, может, и будущих, друзей социал-демократов.

В 1969 году у меня был юбилей — 70 лет стукнуло. Поздравлений всяких — куча, особенно с Запада, марксистом меня (хе-хе) называли. Только вот австрийские коммунисты очень меня обидели — исключили из партии. Говорят, раскольник. Ну да ничего, теперь у меня есть свой журнал «Винер тагебух», пишу что хочу, но особенно ругаю коммунистов. Надо было бы сейчас свою партию организовать, только вот с названием трудно, все красивые слова разобрали. Например, хорошую вывеску «Национал-демократы» неонацисты присвоили. Что и придумать, не знаю. И вот душат сомнения, профессор, все время я в их власти. Правильно ли я поступаю? Кем быть дальше? Выходец из буржуазной среды, был социал-демократом, прибился к коммунистам, куда же теперь?

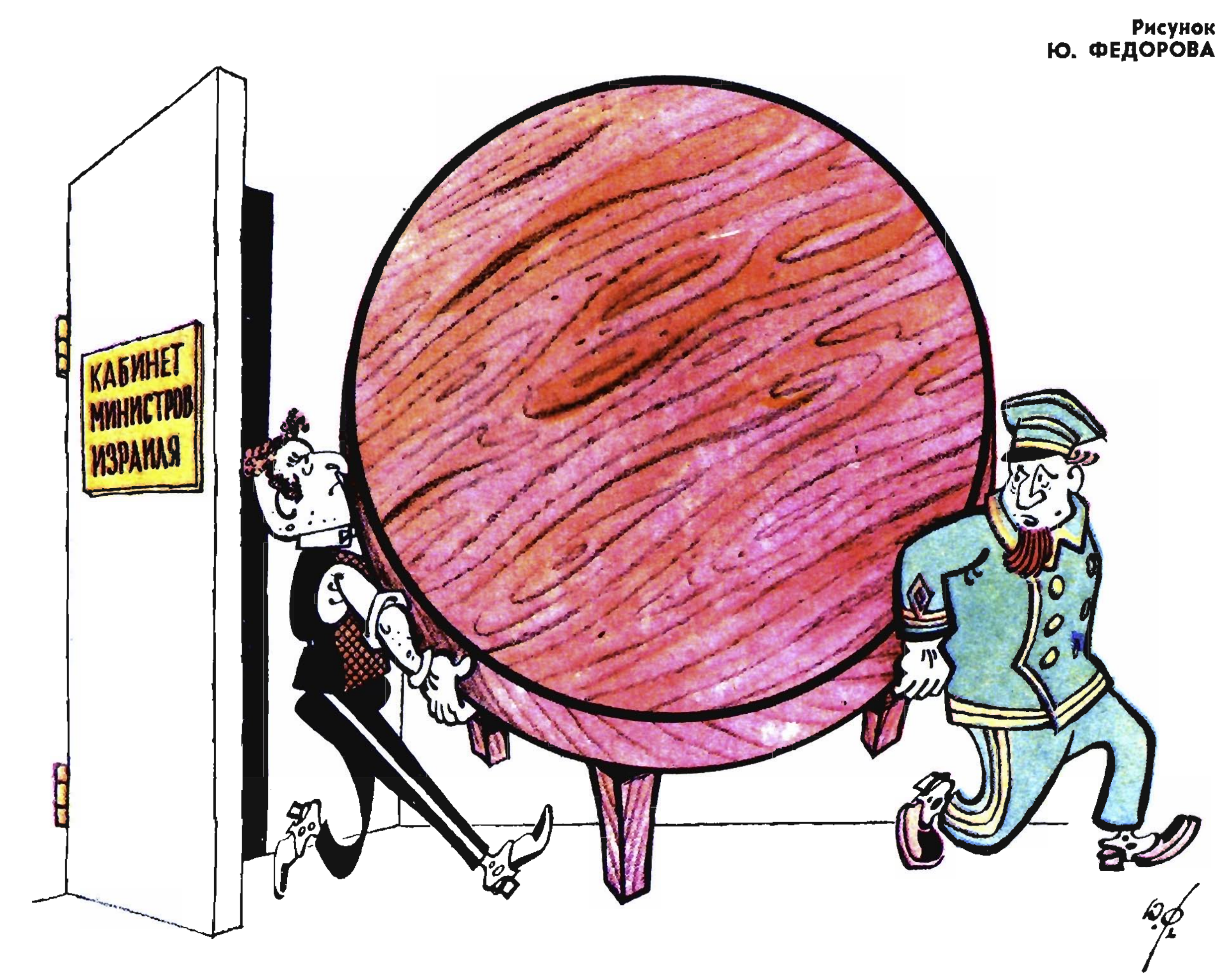
— М-да, случай тяжелый,— сказал психиатр,— не знаю уж, как помочь. Полагаю, что это не столько психическое, сколько идейно-политическое заболевание.

* * *

Мы не можем ручаться, что визит Эрнста Фишера к психиатру действительно имел место. Зато симптомы его «заболевания» хорошо изучены. Называется эта хвороба ревизионизмом.

В. ИМЕРДЕКОВ

Рисунок **Ю. ФЕДОРОВА**

— Наш премьер последнее время не может видеть этот стол!

М. СЕМЕНОВ

КРИЗИС СЫСКА

Самые ловкие, самые изворотливые и, следовательно, самые знаменитые детективы ФБР Эванс и Патерсон получили задание добыть и водворить на место секретные документы Пентагона, таинственным образом перекочевавшие в редакционные сейфы «Нью-Йорк таймс».

— Как ты думаешь, Пат, удастся нам провернуть это дельце? — спросил Эванс.

— Задай мне, Эв, какой-нибудь вопрос полегче. Одно я знаю, что нам не следует совать нос в тот нью-йоркский отель, где в хорошо законспирированном номере журналисты из «Нью-Йорк таймс» готовили свои публикации. Там сейчас мы уже ничего не найдем.

— Напрасно ты так думаешь. Наверняка в отеле кое-что осталось. Старые газеты, неиспользованная бумага для пишущих машинок, пустые пачки «Честерфильда», может быть, даже остатки виски...

— Вот именно. Нет, если и есть смысл где пошарить, то только в самой редакции.

— Ну, а если нас там застукают? Это же будет прямым нарушением конституции Соединенных Штатов Америки!

— А разве ее еще не отменили? Тогда зачем мы держим конгресс?

— Перестань острить, Пат. Министр юстиции Джон Митчелл говорит, что болтовня газетчиков нанесла непоправимый ущерб интересам обороны США. Как можно шутить по столь серьезному поводу?

— А что прикажешь мне делать? Рыдать и рвать на себе волосы? Ведь Митчелл ясно сказал: ущерб непоправим.

— Подожди, вот припаяют этим писакам из «Нью-Йорк таймс» штраф или упрячут их в тюрьму, тогда посмотрим...

— Но ведь и тогда ничего не изменится. То, что держали в тайне, теперь уж ни для кого не тайна. Эти 7 тысяч страниц, да еще размноженных в 15 экземплярах, расползлись по всей стране. Такое впечатление, будто каждая газета отхватила по куску доклада. Вчера — «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», сегодня — «Бостон глоб» и «Чикаго Сан-Таймс», завтра, можешь не сомневаться, взорвется еще десяток сенсационных «бомб». И напрасно наше начальство суетится. Безнадежное нам, дорогой Эв, подсунули дело.

— Не согласен. В случае удачи мы можем оказать правительству ценную услугу.

— Э-э, какая уж там услуга... Дело в конце концов не в ворохах пропавших документов, а в их сути. А суть уже выпорхнула, как птичка из клетки,— фьюйть!

— Что-то я тебя не пойму, Пат. О какой такой сути ты толкуешь?

— А ты когда-нибудь слышал восточную легенду об Александрийской библиотеке?

— Не слыхал.

— Тогда я тебе расскажу. В Александрии находилась знаменитая библиотека, в которой хранились вещи поценнее, чем в архивах Пентагона. И когда городу стал угрожать неприятель, библиотеку решили вывезти в безопасное место.

— На «джипах»?

— «Джипов» тогда и в помине не было. Везли на верблюдах. Караван состоял из тысячи этих выносливых животных. Но, когда караван шел через пустыню, верблюды из-за недостатка воды стали падать.

— А что же было с книгами?

— Их тоже бросали. Но не просто так, а переписывая содержание, скажем, десяти книг в одну и таким образом уменьшая груз. Так продолжалось много-много дней...

— Нельзя ли покороче?

— Можно. Короче говоря, до оазисов добрался только один путешественник. Обессиленный, он упал на землю и разжал руку. А в ней был клочок бумажки со словами: «Нету бога, кроме бога, и Магомет — пророк его». Это и была суть всех книг, которые несли на своих спинах тысячи верблюдов.

— Занятная легенда. Но я не понял, почему ты решил мне ее рассказать. И какое отношение она имеет к 40 томам пентагоновских документов?

— Самое прямое: суть этих документов уже известна всему миру.

— И в чем же она?

— На вот, прочти.

И Патерсон показал своему коллеге какую-то газету, где через всю полосу жирным шрифтом был напечатан аншлаг: «Политика США: ложь, подлые провокации и агрессия».

— Какого же черта они заставляют нас еще что-то искать?

— Ничего не поделаешь, Эв. Начальство хочет показать свое усердие: оно, дескать, не стоит в стороне, а действует.

И самые ловкие, самые знаменитые детективы уныло побрели выполнять секретное задание, связанное с пропажей уже утративших всякую секретность сверхсекретных документов Пентагона..

Антимоечная машина

Задумала администрация столовой Омского института инженеров железнодорожного транспорта во славу прогресса механизировать самый нудный в общественном питании рабочий процесс. Приобрела за четыре тысячи рублей орловскую посудомоечную машину «ТМ-1000».

В этом чуде техники обнаружилась тысяча неполадок. После омовения сотни-другой тарелок механизм противно завизжал, гулко затарахтел, пронзительно заскрежетал, устрашающе лязгнул и — крак! — намертво затих.

К месту происшествия вызвали опытного механика. Обозрел он заводскую марку, заглянул в металлическое нутро и махнул небрежно рукой:

— Зря беспокоили. Видал я такие машины. Ни одна без замены основных узлов работать не хочет. Пишите в Орел, пришлют узлы, тогда и поговорим.

Разговор не состоялся. Писали на завод, просили отгрузить добротные части взамен негодных. Заводские деятели молчат. Уже несколько месяцев молчат.

Так что, молчаливые орловские химтекстильмашевцы, не посуду моют в Омске вашей машиной, а вам самим косточки перемывают.

Р. БЕРКОВСКИЙ

ЗА ФАСАДОМ «КАВКАЗА»

Вот фото. На нем центр солнечного города Краснодара. Улица Коммунаров, 209. Дом, как видите, приступом берут металлические пристанища четырехколесных друзей человечества.

Сначала их появилось семь. Комодно-сундучного типа гаражи, выстроенные окрестными автовладельцами, сразу придали двору характерный климат. Въезжая и выезжая из сундуков, четырехколесные друзья досаждали всем, кроме, может быть, владельцев. Да еще первоклассников окрестной школы, которым жизнь интересна во всех ее шумных проявлениях.

Общественность двора стала искать на сундукостроителей управу.

«Сгиньте!» — повелело самовольникам управление горархитектора письмом от 22 января 1970 года. Но сладость запретного плода только раззадорила стихию: импровизированный автопарк пополнился еще пятнадцатью ящиками.

Рассерженный архитектор послал неподдающимся второе письмо — автопарк ни с места. Последовало письмо самого горисполкома — опять ни-ни. Тогда горисполком принимает грозное решение № 12/3, согласно которому автовладельцы были обязаны перенести гаражи в другой район города.

На недавний запрос редакции, не случились ли наконец сдвиги, житель тов. Прогнимак Г. А. сообщил:

— О, и немалые! Ряды сундуковладельцев стали расти снова. Больше того — теперь за фасадом гостиницы «Кавказ» наряду с автопарком зафункционировала автостоянка. За 40 копеек в сутки на ней днем и ночью газуют до 50 транспортных единиц. Да каких единиц! Цементовозы, рефрижераторы. Автолавки с прицепами и без оных. И даже... трактора.

Неравная дуэль продолжается. Что будет, если сторону горисполкома примет крайисполком? Может быть, здесь возникнет вертолетная станция или испытательный пункт пожарных сирен?

И. КАРПОВ

КОНЯ! КОНЯ!

«Заездили» нашего гимнастического козла за пятнадцать лет так, что дальше ехать некуда.

А ехать надо. И покупать настоящего гимнастического коня для нашей сельской школы.

С трудом достал я денег и поехал в Тихвин, где, по слухам, на складе райпотребсоюза около десяти лет стоит этот самый гимнастический конь. Совсем застоялся, бедняга.

До Тихвина от нас 82 километра. Приехал. Действительно, есть конь. Кладовщица даже обрадовалась: наконец-то «уводят»!

Хорошо. Выписал я в Тихвине счет и поехал с ним за 67 километров в Шугозеро, потому что там бухгалтерия. Из Шугозера уже бухгалтер поехал обратно в Тихвин и перечислил деньги. На это ушел месяц.

Заказали мы через месяц машину — и в Тихвин. Председатель райпотребсоюза пишет резолюцию: «Выдать со склада».

А на складе переучет.

Потом машину удалось заказать лишь через три недели. Приехали. Склад закрыт, кладовщик болен.

Еще через три недели поехали — все открыто, все на месте, подняли коня за «ноги»... Как вдруг подходит к нам заведующий торгом райпотребсоюза и приказывает:

— Поставить и отставить! Товарищ Семягин велел не трогать!

Товарищ Семягин — это председатель Тихвинского горисполкома.

— Да,— подтвердил товарищ Семягин.— Я тут подумал и решил отдать коня другой школе. Все.

Вот таким манером коня у нас и «заездили».

А. ПЕВЦОВ,
преподаватель физкультуры Пяльинской восьмилетней школы, Тихвинского района, Ленинградской области

— Товарищ директор, позвольте по случаю вашего юбилея преподнести вам действующую модель вашего завода!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Какая разница между пиджаком и комбайном?

Не угадали, конечно!

А разница такая. Пиджак нельзя вручить заказчику без рукавов или спинки. А комбайн без составных частей — можно.

Вот вам и пример, без которого наша преамбула повиснет в воздухе.

В прошлом году мы получили от «Ростсельмаша» зерновой комбайн «СК-4» без жатки и наклонной камеры. Запросили завод: как бы нам получить недостающее?

И вот что нам ответил зам. начальника отдела сбыта товарищ Кобец:

«...Вашему хозяйству 2 октября 1969 года была отгружена жатка с наклонной камерой Тульским комбайновым заводом...»

Мы удивились еще больше и вспомнили прибаутку о бузине и дядьке. Мы ведем речь об одной машине, а товарищ Кобец толкует о другой.

С таким же успехом он мог перечислить все, что мы за эти три года получили: удобрений столько-то, грузовиков столько-то, специалистов сельского хозяйства столько-то. И чего, мол, вам еще надо?

А нам надо, тов. Кобец, чтобы вы внимательно читали бумаги, которые вам присылают. И отвечали по существу, а не наобум.

М. ЛЕВШИН,
председатель колхоза «Заря коммунизма»
Красногвардейский район, Белгородской области.

К вопросу о гигиене

Зашел я в один из астраханских хлебобулочных магазинов. Прошу продавщицу отпустить мне бубликов. Та во всеуслышание кричит подруге: «Даша, свешай ему бубликов, а то я уже руки помыла — иду обедать!»

А. НОВОГРУДСКИЙ
г. Астрахань.

А была идиллия...

В Пушкинском сквере города Пятигорска рядом с фонтаном «Гномы» работала детская карусель. Это был самый веселый уголок в сквере. Спустя некоторое время рядом поставили водочно-распивочный ларек. Стало еще веселее. У детишек появилась новая увлекательная игра — в пьяниц. Победителем считался тот, кто быстрее дополз до фонтана.

Эта идиллия просуществовала несколько лет, но, вероятно, работники горисполкома сочли ее непедагогичной. И нашли выход. Карусель убрали, а ларек расширили, обновили, поставили на твердый фундамент, и теперь он зазывает новой, красивой отделкой всех ужаленных зеленым змием...

В. МИХАЙЛОВА

0,5 л спортивного духа

Боролись за здоровый отдых. Вывезли трудящихся Тюменского молокозавода за город на выходные дни, разместили в пионерлагере имени Матросова. Думают: чем бы таким заняться?

Завком с администрацией обсудили создавшееся положение со всей серьезностью. Решили: людей нужно развлечь. Людей нужно отвлечь от пагубных соблазнов. Чем отвлечь? Спортом. Здоровым спортивным духом.

— Товарищи, внимание! — говорят.— Проводим соревнование по бегу. Победитель получает приз. Побежденные тоже получают призы. Становитесь, товарищи!

Тут, конечно, товарищи откликнулись. Выстроились, как положено, пробежали бегом, сколько указано, в результате чего образовались победители и побежденные.

— Вручаем призы, товарищи! — говорит Нина Трофимовна Родионова, главный судья соревнований, она же главный инженер завода.

И вручают. Кому конфеты, кому медали из чистого шоколада. Духи там, одеколоны различные. А победителю — самый большой приз соревнований. Гран, так сказать, при.

Может, и не так, чтобы уж совсем гран, но и не маленький.

Ровно пол-литра.

Позже Нина Трофимовна говорила:

— Уверяю вас, товарищ корреспондент, личио я понятия не имела, что там водка находится.

С. Д. Минченков, председатель завкома, объясняет:

— Лично я в приобретении подарков не участвовал. Для этого у нас специальная комиссия была назначена под руководством члена завкома Струговца.

А Струговец так сказал:

— Подумаешь, пол-литра на такую ораву! Зато все довольны. И ни одного пьяного.

Да, это, конечно, не просто: чтоб все довольны, а пьяных нет. Это возможно только благодаря могучему духовному воздействию пол-литра. Только она способна стать истинным оружием в самоотверженной борьбе за здоровый отдых.

А что еще? Не четвертинка же...

А. МАТЛИН
г. Тюмень.

ВИЛЫ В БОК!

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

«12 СТУЛЬЕВ»

Нет такого человека, который не слышал бы о турецкоподданном Остапе Сулеймане-Берте-Марии Бендере-бее, жгучем брюнете, любимце Рабиндраната Тагора. Многое из того, что произнесли устами великого комбинатора замечательные советские сатирики Илья Ильф и Евгений Петров, прочно вошло в наш лексикон и превратилось в крылатые слова. А для многих роман «12 стульев» давным-давно стал настольной книгой.

И надо было создать очень хороший фильм, чтобы зритель, знающий все перипетии и тонкости романа, открыл в нем для себя что-то новое. Режиссер Леонид Гайдай не остановился перед этими трудностями и поставил цветной двухсерийный фильм по знаменитому роману, написав вместе с Владленом Бахновым сценарий.

Правда, прежде чем начать съемки, Леонид Гайдай и его помощники отложили все дела и ушли с головой в самый настоящий детективный поиск, разыскивая исполнителя главной роли. И таковой был найден в веселом представлении... «Остап Бендер на эстраде». Им оказался народный артист Грузинской ССР Арчил Гомиашвили.

Потом начались другие поиски — бриллиантов... В этих очень веселых и занимательных поисках приняли активное участие С. Филиппов, Ю. Никулин, М. Пуговкин, Н. Гребешкова, Э. Гарин, Г. Ронинсон, В. Этуш и многие другие актеры театра и кино.

НЕСЕРЬЕЗНЫЕ АРХИМЕДЫ

Как напоминает нам автор книжки «Несерьезные Архимеды» Феликс Кривин, гении всегда были наделены чувством смешного и подчас глубокую мысль скрывали за внешне беззаботной фразой. Таких примеров, вероятно, можно было бы привести уйму. Но вот в чем загвоздка: большинство забавных высказываний великих людей безвозвратно утеряно. Как же теперь быть?

Феликс Кривин взял на себя нелегкую работу. Он собрал в своей новой книжке предположительный материал о том, как в перерывах между открытиями, обессмертившими их имена, относились к самим себе и к своим подвигам несерьезные Кириллы и Мефодии, Пифагоры и Архимеды, Ньютоны и Эйнштейны, Галилеи и Магелланы, Геродоты и Плутархи, Ламарки и Бремы. Понятно, здесь пришлось проявить немало знаний в области истории, филологии, географии, математики, призвать на помощь фантазию и, конечно, чувство юмора.

Вот почему эта книжка, вышедшая в издательстве «Молодая гвардия», получилась и занимательной и улыбчивой.

— Мама, а откуда берутся маленькие гусеницы?
— Их находят в капусте.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Есть два места без места».

(Объявление на автовокзале).
Прислал Д. Шемелин, г. Невинномысск.

«Оба водителя, виновники аварии, выскочили из своих машин и начали доказывать друг другу свою правоту технически, а именно гаечными ключами».

«Хорошо, что я попал в аварию на отечественной машине. Если бы была заграничная—не писал бы сейчас эту объяснительную. Хорошая у нас техника, все выдерживает».

«Вскоре машина перестала слушаться пьяного шофера и очутилась там, где ей и положено быть,—в кювете».

(Из протоколов автоинспекции и объяснений водителей).

Собрал А. Матвиенко, г. Владивосток.

Витрина центрального универмага г. Магнитогорска.

Прислал М. Улицкий.

— Давно началось?
— Давно. Тебя тогда еще в помине не было.

Рисунок Г. ИОРША

Крокодил помог

«В АВТОБУСЕ ЗА СЕРВИСОМ»

Так назывался репортаж, опубликованный в № 1 журнала за 1971 год, в котором говорилось о плохом обслуживании пассажиров на междугородных автобусных линиях.

Зам. министра автомобильного транспорта РСФСР тов. Н. Никаноров сообщил, что Министерство автомобильного транспорта РСФСР дало указание транспортным управлениям устранить отмеченные недостатки и навести порядок в работе автовокзалов и пассажирских автостанций.

Министерством разработана новая серия типовых проектов автовокзалов и пассажирских автостанций, в которых предусмотрены все виды обслуживания пассажиров (кафе, буфеты, комнаты отдыха, камеры хранения багажа и ручной клади, комнаты матери и ребенка и т. д.).

«ДОРОГИЕ БИРЮЛЬКИ»

Харьковский завод холодильных машин не очень-то церемонится с потребителями. Продукцию он им отправляет как попало. Так, Марийский завод торгового машиностроения получил вагоны, в которых ценнейшие испарители ПВ-С лежали навалом. Дескать, разбирайтесь, как хотите, а нам дела нет (заметка «Дорогие бирюльки», «Крокодил» № 1).

Как сообщил директор Харьковского завода тов. Г. Шаповалов, факты подтвердились.

Виновный в нарушении технических условий упаковки и транспортировки испарителей старший мастер цеха М. Лебедев строго наказан. Усилен контроль за упаковкой испарителей.

«НА УРОВНЕ»

В № 11 «Крокодила» был напечатан репортаж специальных корреспондентов Э. Гая и Б. Ганина «На уровне», в котором с улыбкой рассказывалось об успехах молодого города Шевченко, выстроенного за последнее десятилетие на пустынном полуострове Мангышлак. Однако положительно настроенные авторы не могли пройти мимо отдельных недостатков.

Именно эта негативная часть репортажа и послужила предметом обсуждения на заседании бюро Шевченковского горкома КП Казахстана. Секретарь горкома тов. Н. Фатеев сообщил редакции, что бюро приняло специальное постановление, в котором обязало парткомы, первичные партийные, профсоюзные и комсомольские организации города требовать от каждого жителя уважительного отношения к своему городу, быть непримиримыми к любым недостаткам. Бюро предложило горисполкому обеспечить выполнение обязательных решений и намеченных мероприятий, направленных на улучшение санитарного состояния, благоустройства города, на сохранность жилого фонда.

Городской отдел внутренних дел, прокуратура, санэпидстанции будут привлекать к строгой ответственности лиц, виновных в нарушении санитарно-гигиенических правил и режима в городе.

Постановление бюро горкома опубликовано на страницах городской газеты «Огни Мангышлака».

«В ПИКОВОМ ПОЛОЖЕНИИ»

Заметка под таким названием (№ 11, 1971) рассказывала о плохой работе в часы «пик» автобусов маршрутов № 156 и № 32 в Москве.

Как сообщил зам. начальника управления пассажирского транспорта исполкома Мосгорсовета тов. Кузнецов, случаи увеличения интервалов движения автобусов по маршруту № 32 до 7—9 минут по вине отдельных водителей проверкой подтвердились.

За отсутствие должного контроля над прибытием и отправлением автобусов в рейс к диспетчеру автобусной станции тов. Колчановой приняты дисциплинарные меры.

Для усиления контроля за работой водителей автобусов маршрута № 156 к отметки рейсов водителями у ст. метро «Варшавская» в ближайшее время будут установлены штамп-часы.

«ТОЧНЫЙ ДИАГНОЗ»

Одноименный фельетон О. Сидельникова был опубликован в № 7 «Крокодила». Рассказывалось в нем о порочном увлечении низкопробными произведениями детективного жанра литературно-художественного и общественно-политического журнала Узбекистана «Звезда Востока».

Заместитель председателя правления Союза писателей Узбекистана тов. А. Удалов сообщил редакции, что фельетон обсуждался на заседании президиума Союза писателей республики, который осудил журнал за публикацию произведений подобного сорта. Редакционной коллегии «Звезды Востока» поручено при формировании тематических планов очередных номеров предусмотреть публикацию произведений, посвященных главному герою нашего времени — строителю коммунизма. Перед редакцией поставлена задача повышения требовательности к художественному уровню публикуемых произведений.

По тому же поводу...

Еще раз о ревизорах

Фельетон «Покойник на стройке» был опубликован в № 5 «Крокодила» за этот год. Речь в нем шла о «мертвых душах», которые, однако, судя по платежным ведомостям, вели гигантскую работу на стройках Волгоградской области.

С помощью такого нехитрого литературного приема руководителям строительного поезда Э-23 «Главэлеваторспецстроя» О. Г. Штельмахову, В. В. Потемкину, главному бухгалтеру Е. Н. Глаголеву и иже с ними удалось похитить у государства около сорока тысяч рублей.

Теперь, естественно, они все бывшие, поскольку по решению суда отбывают длительные сроки тюремного заключения.

В этом же фельетоне высказывалось сомнение: а все ли благополучно на других строительных участках этого главка? В частности, фельетонист называл строительный поезд Э-4. Правда, пример, приведенный автором, оказался неудачным. Человек, о котором ему сообщили по месту жительства как о покойнике, слава богу, жив. Приносим свои извинения, от души желаем ему доброго здоровья на долгие годы.

На том основании, что этот один-единственный факт не подтвердился, руководители поезда послали во все инстанции ликующие телеграммы. По мысли их авторов, они должны были свидетельствовать о полном благополучии на подведомственных им участках.

Видимо, это обстоятельство и ввело в заблуждение начальника «Главэлеваторспецстроя» тов. Негодайлова.

Правда, как он и обещал в своем ответе редакции, в стройпоезд Э-4 были направлены из главка товарищи для документальной ревизии. Но они ничего существенного не обнаружили.

После отъезда столичных ревизоров неутомимые работники ОБХСС и прокуратуры Советского района Волгограда на строительных участках поезда Э-4 обнаружили столько «покойников», что их хватит на целое кладбище.

Так, только на объединенном участке, руководимом В. А. Артемовым, десятки людей расписывались в ведомостях, регулярно получали зарплату, премировались за хорошую работу, а при проверке их в природе не оказалось.

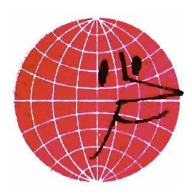
Неприглядная картина вскрылась и под боком у руководителей поезда Э-4, на волгоградском строительном участке. Судя по платежным ведомостям, продолжительное время здесь отлично работал бетонщик В. А. Серов. И адрес его точный указан, так что встретиться с ним оказалось совсем нетрудно.

Но, узнав, в чем дело, он взмолился:
— Братцы, какой же я бетонщик!.. Я всю жизнь работаю шофером на автобазе и этот самый поезд Э-4 в глаза никогда не видел!

А, судя по документам, ему выплачено 347 рублей. И подпись имеется — понятно, подделанная.

Так что, уважаемый товарищ Негодайлов, хоть один «покойник» и оказался жив, но на его место можно подобрать добрый десяток «мертвых душ».

А. ШЕЙНИН

НЕ ПРОСТО АНЕКДОТ

Давнишний подписчик «Крокодила» Николай Александрович Машанов прислал нам сердитое письмо, смысл которого вкратце сводится к требованию: «Даешь анекдоты!» От лица жителей своего поселка Николай Александрович просит срочно (4 раза), обязательно (2 раза), немедленно (1 раз) восстановить отдел «Просто анекдот». Те три-четыре анекдота, которые мы печатаем в каждом номере, представляются Николаю Александровичу нищенским, голодным смехо-пайком.

Ну, раз читатели страдают от отсутствия анекдотов, спешим им на выручку. Извольте:

●

Учитель записал в дневник ученице: «Мэри — ужасная болтунья». Назавтра Мэри возвращает дневник с ответом отца: «А если бы вы послушали ее мать!»

●

Отец:
— У меня было десять яблок, два я съел. Сколько яблок осталось?
Сын:
— Не знаю. В школе мы решаем задачи только на апельсины.

●

Муж объясняет судье:
— Я вынужден просить развода. Прежде, когда я приходил с работы, пес приветствовал меня лаем, а жена приносила шлепанцы. А теперь все наоборот.

●

— Когда мы поженимся, милый, у нас будет трое детей!
— Откуда ты знаешь?
— А они сейчас живут у моей мамочки...

●

— Итак, я уже взял пять уроков английского языка.
— И ты сможешь теперь говорить с англичанином?
— Нет, но я смогу разговаривать с любым, тоже взявшим пять уроков.

●

— Вы актер? А я банкир. Мне стыдно признаться, но я не был в театре уже десять лет.
— Не стыдитесь,— сказал актер.— Я тоже не посещал банка более десяти лет.

●

Психиатр жалуется коллеге:
— Не знаю, что и делать: один пациент все время предлагает мне купить у него Ниагарский водопад.
— Возьмите да купите!
— Не могу, слишком дорого просит.

●

Разговор школьников:
— Мне хотелось бы стать волшебником.
— Зачем?
— Чтобы превратить нашего учителя математики в канарейку и потом открыть окно.

●

Жена купила лотерейный билет.
— Если я выиграю,— сказала она мужу,— то куплю себе новое пальто.
— А если не выиграешь?
— Тогда ты мне его купишь.

●

Английский лорд после кораблекрушения очутился на необитаемом острове. Он построил три хижины. Через некоторое время его обнаружили с другого корабля. Один из высадившихся матросов спросил:
— Сэр Джон, а зачем вам три хижины?
— Вы знаете, в одной я живу, другая — клуб, который я посещаю, а третья — клуб, который я игнорирую.

●

Адвокат в суде держит защитительную речь. Он характеризует своего подзащитного как человека доброго и отзывчивого, мягкого и совестливого. Подсудимый поднимается и, прерывая адвоката, обращается к суду:
— Я заплатил этому типу кучу денег, чтобы он меня защищал. А он вот уже полчаса болтает о ком-то другом.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Феликс ДЕРЕЦКИЙ (Польша)

ПОЕДИНОК

— Зайдем, коллеги? — предложил Пызяк.— Давно я не бывал в зверинце, а в детстве из него почти не вылазил.

Поглазевши минутку на ослов, мы вошли в павильон пресмыкающихся.

— Это кто? — спросил Пызяк, увидя маленькую тварь, прижавшуюся к ветви.

«Хамелеон,— гласила табличка.— Обитает в Африке, на Мадагаскаре, в Аравии, Индии, Южной Испании. Легко изменяет окраску».

И действительно, хамелеон прямо на наших глазах сменил цвет. Я случайно взглянул на Пызяка и замер: его лицо и руки стали карминными. Хамелеон мгновенно отреагировал на это киноварью.

— Ах, ты так! — прошептал Пызяк.

Кармин на нем уступил светлой охре. Хамелеон беспокойно зашевелился и позеленел. Пызяк не остался в долгу и ответил красивым оттенком голубизны.

Я с интересом наблюдал, что будет дальше.

Хамелеон все сильнее волновался, в выпуклых глазках его светилось беспокойство. Цвет его стал ультрамариновым. Вначале мне показалось, что Пызяк сдался — такой он стал бледный. Но оказалось, что это просто его очередная окраска.

Соревнование между человеком и пресмыкающимся шло уже довольно долго. Приближался момент, которого я опасался больше всего,— цветовая гамма иссякала. Как только Пызяк расцвел сочной зеленью, противник его почернел, как сажа. Видно было, что необычный поединок приближается к концу. Хамелеон, исчерпав всю палитру, успокоился и замер, уверенный в победе. Казалось, даже в его глазах, сверлящих Пызяка, появились язвительные огоньки.

Пызяк тем временем приобретал окраску необычайной красоты — такую, как у неба после страшной бури. На это несчастный хамелеон ничем ответить уже не мог. Он свалился на землю, сведенный последней судорогой.

Мы быстро оставили зоосад, чтобы избежать неприятностей.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Роландо Бетанкур ГОМЕЗ (Куба)

Нос Годолио

Народившись на свет божий, Годолио ничем не отличался от любого другого младенца и до двенадцати лет был обычным, вполне нормальным ребенком. Но когда ему исполнилось двенадцать, мир для него внезапно превратился в ад: его красивый носик вдруг начал расти сам по себе, не обращая внимания на другие части тела, до тех пор, пока не достиг гигантских размеров. Нелепый нос был похож на тыкву и вызывающе сиял на лице, казавшемся крохотным. Годолио сходил с ума от горя, у него появились душевные травмы.

Но почти всегда в нашей жизни за неудачей следует удача. Так случилось и на этот раз.

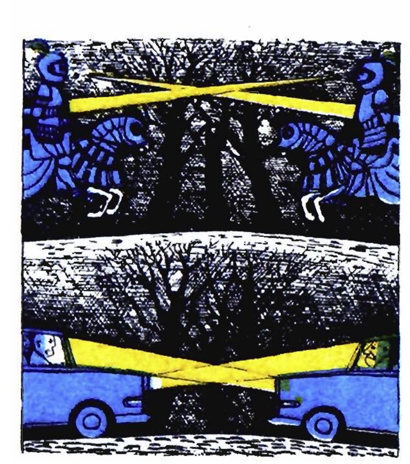
Кто-то пустил слух, что нос Годолио обладает чудотворными свойствами. Первыми клюнули на удочку старые девы. Они молились на нос Годолио и просили господа о замужестве. Затем о носе прослышали немощные старцы и потребовали, чтобы Годолио своим магическим носом излечил их от ревматизма. Годолио никого не разубеждал. Принадлежащий ему кусочек хряща и мяса превратился в общественное достояние. Самые фанатичные жители города, не колеблясь, говорили, что нос ниспослан им как дар божий. Если кто-то заболевал, прежде чем обратиться к врачу, звали Годолио и просили: «Понюхай его». И обычно если больной не умирал, то выздоравливал. В город начали приезжать туристы с фотоаппаратами, привлеченные чудесным носом. Рассказывают, что один из них извел на нос Годолио около восьми тысяч кадров и потратил бы гораздо больше, но во всем городе кончились запасы фотопленки.

В праздничных процессиях Годолио всегда шел впереди, торжественно неся свой нос, а жители города становились перед ним на колени и крестились.

Годолио играл важную роль в экономике города: к нему обращались за предсказаниями об урожае. Он с таинственным видом нюхал воздух и говорил:

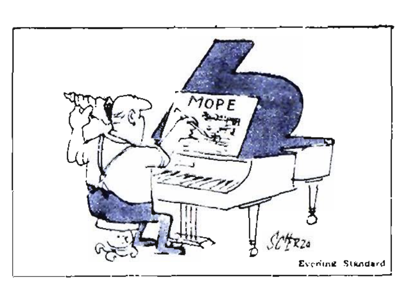
— Возможно, будет дождь, но не исключено, что в последнюю минуту тучи развеются.

Но однажды приехал в город некий Паскуалоне, который славился своими необыкновенными ушами. Паре его ушей мог позавидовать любой индийский слон. А чтобы еще больше поразить людей, Паскуалоне двигал своими ушами. Уши произвели потрясение в городе. Население разделилось на два лагеря: первые встали на защиту носа, вторые встали на сторону ушей. И в конце концов, как все новое, победили уши. И через некоторое время никто в городе — ни старые девы, ни старики, ни агрономы — даже не вспоминал о носе. Несчастный Годолио не мог пережить своего падения и умер от тоски, одинокий и покинутый всеми.

Эволюция дорожных встреч.

«Ойленшпигель», ГДР.

«Ивнинг стандарт», Лондон.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

КРОКОДИЛ

№ 19 (1993)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

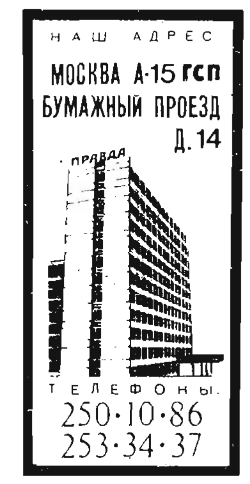
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, В. Сафонов, А. Скотаренко, В. Спельников (г. Рязань), И. Сычев, В. Тильман, Ю. Узбяков, М. Ушац, Ю. Черепанов, Е. Шабельник, А. Щербак (г. Кременчуг).

НАШ АДРЕС
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 21/VI 1971 г. А 00930. Подписано к печати 1/VII 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 611 730). Изд. № 1119. Заказ № 1505.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.

Индекс 70448

Несмотря на то, что США торжественно объявили о передаче Японии административных прав по управлению Окинавой, американская военщина сохраняет в своих руках все крупнейшие базы на этом острове.

— Итак, мы возвращаем вам вашу Окинаву...

Рисунок Ю. ГАНФА